

**ВОЛЯ
ДРАКОНА
СОВРЕМЕННАЯ
ФАНТАСТИКА ПОЛЬШИ**

ВЕЧЕ

Новая библиотека приключений и научной фантастики

Анджей Земянский

**Воля дракона. Современная
фантастика Польши**

«ВЕЧЕ»

Земянский А.

Воля дракона. Современная фантастика Польши /

А. Земянский — «ВЕЧЕ», — (Новая библиотека приключений и научной фантастики)

ISBN 978-5-4484-8477-3

Киберпространство и полеты к звездам. Земля после ядерной катастрофы и путешествия во времени. Драконы и загадочные преступления в мире магии. Люди, наделенные умением предвидеть свои будущие поступки, и люди, по воле случая превратившиеся в адептов забытых инопланетных богов... Сборник составлен из лучших произведений ведущих польских писателей-фантастов, лауреатов многих жанровых премий. Большая их часть публикуется в России впервые.

ISBN 978-5-4484-8477-3

© Земянский А.

© ВЕЧЕ

Содержание

Предисловие	6
Автобан нах Познань	8
Обратить Авалон	45
Конец ознакомительного фрагмента.	53

НОВАЯ БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Воля дракона Современная фантастика Польши

© Кудрявцев Л., Лауданский П.,

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

Предисловие

Польскую фантастику в нашей стране любят давно – и этот факт совершенно не требует каких бы то ни было подтверждений. Но в то же время библиографы утверждают, что последний сборник, в котором была предпринята попытка познакомить читателя с широким спектром польской фантастической литературы, был выпущен чуть ли не тридцать лет назад – в далеком уже 1990 году. Именно тогда увидела свет книга «Истребитель ведьм», подготовленная Всесоюзным творческим объединением молодых писателей-фантастов (ВТО МПФ), в которой было представлено новое на ту пору поколение польских фантастов.

Потом наступила долгая пауза, в течение которой в нашей стране издание зарубежной фантастики было, по сути, пущено на самотек. Нет, конечно же, полного забвения не наступало: в России регулярно издавались произведения Станислава Лема, очень хорошо печатался Анджей Сапковский, копировались разнообразные сборники, изданные в Польше, но достаточно полную палитру польских фантастов представить российскому читателю не получалось. До сего момента, ибо данный сборник фактически является первой антологией польской фантастики, составленной представителями как Польши, так и России и опубликованной на русском языке.

Составители сборника намеревались показать, насколько разнообразна польская фантастика, насколько она интересна, и думается, читатели отметят не только то, что авторов произведений, включенных в антологию, интересуют острые и злободневные темы, но и факт, что литературное мастерство – фирменный знак польской фантастики – не утрачено и теми, кто пришел на смену ветеранам.

Вот краткие характеристики авторов, чьи произведения включены в сборник, который вы держите в руках (подготовлены они Павлом Лауданским).

Анджей Земянский в настоящее время один из самых популярных польских писателей. Автор множества книг фантастического и детективного жанра. Дебютировал в 1979 году. Повесть «Автобан нах Познань», изданная в 2001 году, получила самую престижную польскую премию в области фантастики (премию имени Януша Зайделя) и ряд других премий. Особо его прославила серия книг, действие которых происходит в мире «Принцессы Ахайи».

Мацей Жердиньски дебютировал в начале девяностых годов. Автор сборника рассказов «Корпорация Warsn Guns» и романа «Покинуть Лос Рагуес». Подавал очень большие надежды, считался вторым по величине польским автором-фантастом (после Дукая). К сожалению, ушел из литературы и работает врачом.

Марек Баранецкий дебютировал в 1983 году. Наилучшие рассказы и ставший самым его известным – «Голова Кассандры» (премия имени Януша Зайделя) написаны в первой половине восьмидесятых годов прошлого столетия. Без сомнения, один из важнейших авторов того времени. Потом надолго замолчал и вернулся в литературу лишь в двадцать первом веке несколькими рассказами.

Цезарь Збершховски дебютировал в 2004 году. Автор нескольких десятков рассказов, часть из которых вошла в сборник «Реквием для куколок» (2008). Также его перу принадлежит одна из лучших польских фантастических повестей двадцать первого века «Холокост Ф» (в 2014 году – премия имени Януша Зайделя). Рассказ «Печаль парсеков» написан в том же стиле, что и эта повесть.

Анна Каньтох – известная писательница и литературный критик. Дебютировала в 2004 году. На Евроконе в 2007 году получила награду ESFS как наиболее многообещающий автор. В данный момент трижды лауреат премии Януша Зайделя (рекордный результат!). Пишет много, причем хорошо и очень интересно фантастику, детектив, повести для молодежи.

Мацей Паровский – писатель, критик, один из основателей старейшего и лучшего польского журнала «Фантастика» (с определенного момента «Новая фантастика»), многолетний его шеф-редактор. На страницах журнала появились первые рассказы Сапковского, Дукая, Жердиньского, Новака. На литературной ниве дебютировал в 1970 году рассказом «Бунт роботов». Автор романа «Лицом к земле» и сборника рассказов «Уловка на женщину». Участник семинаров Всесоюзного творческого объединения молодых писателей-фантастов в Ислочи в 1989–1990 годах, очень много сделал для пропаганды российской фантастики в Польше. К сожалению, совсем недавно Мацей Паровский ушел из жизни.

Еугениуш Дембский – широко известный польский писатель-фантаст и профессиональный переводчик с русского. Дебютировал в 1985 году. На данный момент – автор около 100 рассказов и 20 романов.

Якуб Новак дебютировал в 2004 году на страницах «Новой фантастики» рассказом «Структура диссонанса». Пишет медленно и очень тщательно, однако каждый его текст становится событием. Очень хорошо себя чувствует как в жанре киберпанк, так и в альтернативной истории, и в классической НФ...

Итак, перед вами восемь авторов, восемь очень разных, но одинаково интересных и написанных на очень высоком уровне фантастических историй, восемь дорог в неизвестную пока у нас, великолепную и заманчивую польскую фантастику.

*Виталий Пищенко,
председатель международного Совета
по фантастической и приключенческой литературе*

Автобан нах Познань Анджей Земянский

Бетонные коридоры перекрыли наглухо. Вроцлав теперь отрезало от подземных бункеров – по большей части перестроенных трехсотлетних туннелей метро, оставшихся еще от немцев. Шипение пара в разогревавшихся котлах заглушало все прочие звуки. Люди и звери изъяснялись жестами. Температура в выходном бункере быстро поднималась. Вагнер видел, что многие солдаты, избавившись полностью от мундиров, надели пуленепробиваемые жилеты прямо на голое тело. Шлемы, очки, платки, защищающие глаза от заливающего их пота... Неплохо переносили жару только животные.

Долгоруков подошел к Вагнеру и сказал:

– Слухай, Андрей, йа взал гроссе гевер унд, я его примосовал до танка с верха...¹

– Не пендзи². – Вагнеру уже давно надоел польско-российско-немецкий сленг, да еще и с английскими словечками. Майор и урожденный вроцлавлянин, обладающий первым классом чистоты, он знал настоящий польский язык и даже умел на нем без запинки разговаривать. Однако здесь, среди наемников, пользоваться правильной литературной речью можно было, лишь предварительно раздав им словари. – Собирай аллес группен³.

– Яволь! – Иван дисциплинированно отдал честь. – Так точно!

Вагнер, злой и уже прилично взопревший, забрался в башню своего транспортера. Хейни поприветствовал его усмешкой, Зорг – только зевком.

– Аллес в порядке?⁴

– Одвал, Хейни! Дай мне ейн момент!⁵

– Да-а-а... Натюрлих, херр майор. – Поручик уменьшил давление в котле.

Вагнер снял пропотевший мундир и накинул бурнус на голое тело. В кошмарной тесноте еле-еле управился с кевларовым жилетом, тюрбаном, шлемом, платком, очками и маской.

– Фриц, Вацлав, Алексей! Что у вас? Херен меня?⁶

Его слова заглушало шипение пара, и разобрал их только сидевший ближе всех чех. Ну и Зорг, конечно. Вот только Зорг редко отвечал на вопросы. Все-таки он был поручиком и гордился вытатуированным на левом ухе знаком звания, ну и, кроме того, гепарды не слишком-то умели говорить. Случившиеся с ними еще до китайской бомбы Чен генетические изменения повлияли на их органы речи весьма незначительно. Между прочим, Зорг еще был исключением. Иногда из его рычания можно было что-то понять. Благодаря этому он был единственным настоящим офицером среди животных. Фактически он мог даже приказывать людям низшего чина. Особенно доставалось от него сержантам и прапорщикам. «На цепь этого поручика, намордник на него!» – шептали по углам.

Держи карман шире...

Непосредственным начальником Зорга был Вагнер, и завистники могли сколько угодно молоть языками, но не более, поскольку именно этот гепард спас майору жизнь три года назад, на самой середине автобана нах Познань. Сейчас он лениво щурил глаза, зевал, пытаясь избавиться от излишков тепла, и при каждом зевке из-за его клыков выглядывали ядовитые зубы. В общем, зверь наводил ужас одним своим обликом. Причем удержаться он не мог, и поэтому

¹ Слушай, Андрей, я взял большую пушку и прикрепил ее к танку сверху...

² Не болтай.

³ Собирай всю группу.

⁴ Все в порядке?

⁵ Отвали, Хейни! Дай мне одну секунду!

⁶ Слышите меня?

вины его здесь не было. В конце концов, это не он почти сто лет назад спланировал генетические изменения своего организма.

– На унд, катзурки? – Вагнер погладил его по загривку. – Вшавы день, них вар?⁷

– Йййй-е-е-е-а-а-а-а... – Зорг неплохо знал польский, но предпочитал использовать бреславский англиш. – Факххинг дхай, йеееп. Шхххит!⁸

Кто-то отворил снаружи дверцы транспортера. Капитан в великолепно сшитом парадном мундире подал Вагнеру запечатанный конверт.

– Особый приказ генерала Барилы! – Польский капитана был под стать его мундиру. – Прошу подтвердить получение, пан майор.

Вагнер размашисто расписался и сломал печать. Быстро пробежал глазами текст из нескольких строк, потом вернул бумагу капитану и опять закрыл дверцы. Клубы пара скрыли это событие от всех, кроме Хейни и Зорга.

– Вххххери шхххит дай? Йееееп?⁹ – осмелился поинтересоваться поручик.

– Яволь. – Толкнув Хейни и указав ему на ворота, Вагнер почесал поручика за ухом и затянул ремни. – Где находятся познаньские войска...

Остальные его слова заглушили громкие гудки. Стальные ворота перед ними дрогнули и стали раскрываться, предъявляя ослепительную белизну предввроцлавской пустыни.

– Форвертс! Форвертсуйте! Наступай! Вперед! – завопили наемники.

Паровые двигатели заработали на полную мощность, и бронемшины тронулись. Первыми выехали разведчики, потом взвод поддержки, штабной отдел, в котором была машина Вагнера, взвод штурмовиков и заслон.

– Фердамте автострада!¹⁰ Автобан, джепан в грот!¹¹ – Наемники проклинали свою судьбу, вновь отправившую их в дьявольски опасную дорогу на Познань, но чувствовали себя относительно безопасно. Пока они находились в поясе досягаемости вроцлавской артиллерии протяженностью несколько сот километров, среди его бетонных укрытий, в тени давно неиспользуемых, но дающих надежную защиту противовоздушных башен.

– Звяд нах обен!¹² – подняв вверх ладони, крикнул Вагнер.

– За-а-а-а еархххлу!¹³ – Поручик зевнул, вновь показывая наводящие ужас ядовитые зубы. Потом вдруг фыркнул и отхаркнулся, выставив голову в люк.

Как обычно, он был прав. Волноваться зря не стоило. Впрочем, Вагнер был одним из наиболее добросовестных офицеров Крепости Вроцлав, надеялся на повышение по службе и жизнью подчиненных понапрасну рисковать не собирался.

Большой белый орел вскарабкался по специальной жерди на крышу транспортера. Вагнер не имел понятия, кто сделал этого недоумка начальником отдела наблюдателей. Вернее всего, он получил звание сержанта только потому, что его изображение смотрело с национального герба. В реальности же тот был ничуть не умнее своих подчиненных-соколов, в данный момент поднимавшихся в воздух с передовых бронемашин. Зорг взглянул на взлетающую птицу и непроизвольно облизнулся. Возможно, поручику захотелось попробовать сержанта на зуб?

Караван ехал мимо остатков бетонных укреплений, оставлял за собой противотанковые рвы, траншеи, взорванные радарные станции, лазерные отражатели. Все свободные от обязанностей выбирались на крыши и ложились за приваренными к бортам броневыми пли-

⁷ Ну что, котик? Паршивый день, правда?

⁸ Да, дурацкий день. Плохо!

⁹ Очень плохой день? Да?

¹⁰ Проклятая автострада!

¹¹ Непереводаемая игра слов.

¹² Разведка вперед!

¹³ Слишком рано!

тами. Ветерок, вызванный движением, приносил заметное облегчение. Симпатичная венгерка Марта, вооруженная ручным пулеметом, спустилась в люк и на мгновение повисла, цепляясь за его края руками. На ней кроме ремней амуниции, были только кевларовый бронежилет, тюрбан и чадра. Вагнер и Зорг, насладившись зрелищем ее обнаженных ног, обменялись взглядами.

– Ты... тебя заводят человеческие самки?

Гепард покрутил головой и ответил по-польски, чтобы никто из экипажа его не понял:

– Ну-у-у-у... немного... Эт-т-ха выглядит вкусно-о-о-о...

Вагнер никогда не слышал, чтобы измененные звери проявляли чувство юмора. Ему даже не хотелось думать, что гепарды делают с попавшими к ним пленными. Он высунул голову из башенки и, поднеся к глазам бинокль, оглядел тянущиеся до самого горизонта песчаные дюны...

В небе медленно кружились соколы. Бронемашины, выпуская из труб клубы дыма, ехали восьмиполосным шоссе. Наемники, большей частью обнаженные, а некоторые в бурнусах, скорчившись за броневыми плитами, пили воду, но экономно, понемногу. Никто еще не втирал себе ничего в десны, не делал уколов в руки или бедра. Придет время и этому. Пока же необходимо миновать поворот.

Вагнер усмехнулся, припомнив поговорку: тяжела дорога туда, но обратно – еще хуже.

Пока же бояться было нечего, если, конечно, не считать парочки одуревших от жары идиотов, способных садануть по машинам из панцерфаустов. А вот во время возвращения... Познаньские машины с полным грузом были для мутантов слишком лакомым куском, чтобы колонна могла рассчитывать на беспрепятственный проезд. Вот тогда и начнется настоящая война. А пока звери прятались в засыпанных песком руинах, справедливо рассудив, что атаковать штурмовую группу, подвергаясь риску погибнуть ради одной лишь амуниции, не имеет смысла. Вот на обратной дороге, когда в караване окажутся сотни огромных познаньских грузовых машин, до отказа набитых жратвой, боеприпасами, топливом и тоннами иного добра, они покажут, на что способны. Пока же имеет смысл просто зарыться в песок и ждать.

Вагнер ошибся: командующий наблюдателями орел оказался не так глуп. Он отдал приказ двум соколам, и те оторвались от стаи. Немного погодя майор разглядел в бинокль голубя. Раненая птица махала крыльями с трудом. Один из соколов теперь парил ниже курьера, защищая его, на случай если кто-то с земли надумает пальнуть, к примеру, из охотничьей двустволки. Второй прикрывал курьера сверху – от возможных атак вражеских ястребов. Все по летному уставу. Еще выше кружили три сокола и орел, готовые в любую минуту прийти на помощь. Как в учебнике.

Голубь, теряя последние силы, опустился на крышу бронемашины Вагнера. Тот снял с ноги посланца капсулу с письмом и крикнул:

– Алексей, пся твоя мутти!¹⁴ Займуй курьером!¹⁵

Русский ветеринар взял посеченного дробью голубя.

– Спокойна, господин майор. Будет лебен!¹⁶

Вагнер развернул листочек.

«Первому командиру ударной группы: Генерал Павелец, гарнизон твердыни Познань! Миновали Чекпойнт Лешно. Получил известие, что передовой конвой остановлен возле бункеров фойербазы Равич. Затор! Помощь нужна в пустыне, за Тржебницкими горами. Исполнить срочно!»

– Есусе! – простонал Вагнер. – Ах ты ж...

Зорг высунул голову из люка.

¹⁴ Непереводимая игра слов.

¹⁵ Займись курьером!

¹⁶ Жить.

– Вхххат?¹⁷

– Пробка. Два конвоя одновременно. За горами под обстрелом четыреста пятьдесят грузовых машин.

– Йхххзуз... – протянул гепард.

Для него это было лишь присловьем. Звери, к счастью, не имели представления о Боге. Вместо того чтобы молиться, поручик, не теряя времени зря, отправился искать валериановых капель, которые этот сукин кот прятал где-то в багаже.

Вагнер выругался.

Насосавшиеся водки наемники, нализавшиеся валерианы коты... Все, чем он мог помочь двум угодившим в засаду познаньским конвоям.

Вскинув руку, он несколько раз крутанул ею в воздухе. Сигнальщики тотчас принялись флажками дублировать его приказ «Полный вперед!». Паровые двигатели заработали на предельной мощности, вырывавшийся из труб дым стал заметно гуще. На Тржебницкие взгорья они взбирались уже на скорости в сто тридцать километров.

– Ахтунг! Внимание! Готовность! – крикнул Вагнер, узрев ставшую легендарной, во многих местах продырявленную пулями табличку, так часто описываемую в повестях, посвященных сражениям на познаньском автобане. «Сейчас ты окажешься вне защиты артиллерии Вроцлава. Обороняйся сам. Гарнизон Фестунг Бреслава желает тебе удачного дня!»

Дьявол! Дьявол! Дьявол!

Никогда раньше надпись не казалась настолько зловещей. Не будь четырехсот пятидесяти грузовых машин одновременно...

Есус Мария...

– Аллес поволи. Лангзам¹⁸. – Вагнер толкнул ближайшего сигнальщика, ту самую чешку, все «убранство» которой состояло из нового пояса-патронташа с висевшим на нем пистолетом-пулеметом, и флажков. – Звяд на автобан¹⁹.

Первые машины уже сбавляли ход, и из них выскакивали разведчики. По обочинам дороги бежали коты. Они весили так мало, что могли не опасаться противопехотных мин, а уж находили их просто превосходно. В общем, кошки были гораздо эффективнее миноискателей тех времен, когда на свете еще было электричество. Правда, бегали они не слишком быстро, и движение конвоя это замедляло страшно. Кошки не пропускали ни одного подозрительного места, суетились, обнюхивали его. Один маленький кот, недавний рекрут, даже умудрился заснуть на вершине бархана. На счастье, сержант, старый, опытный, рыжий котяра, укусил его за хвост и погнал на работу.

Алексей, ветеринар, высунул голову в люк и, показывая пальцем направление, завыл:

– Собаки! Соба-аккки-и!

– Хунден! – подхватили остальные наемники. – Хунден!

Вагнер тоже увидел псов. Немного погодя их стало больше. Мутанты, а также всякие придорожные ублюдки, похоже, собирались покрошить разведчиков. И совершили ошибку, рано атаковав. Коты кинулись наутек организованно, разделяясь на две группы. В тот же момент Зорг отправил свой отряд гепардов на убийц. Сто... сто двадцать... сто сорок километров в час! Пятнистая смерть набросилась на псов и уничтожила их в мгновение ока. Где-то затрещал станковый пулемет. Наемники, защищая зверей, ответили огнем. Еще немного погодя убийц отозвали, а очень довольные коты принялись обнюхивать трупы тех, кто только что угрожал их жизни. Можно было снова возвращаться к поиску мин.

К Вагнеру подскочил Долгоруков и заявил:

¹⁷ Что?

¹⁸ Все потихоньку. Медленно.

¹⁹ Разведку на шоссе.

- Нам надо шнеллеровать²⁰...
- Знаю!
- Они все буда тодтнуе²¹. Эти ласткрафтвагоны²² из Познани...
- Знаю их. Молчи, Иван.
- Шайсе²³, – пробормотал Хейни и ткнул пальцем в горизонт. Вагнер увидел облачка дыма от стартовавших ракет.
- Шайсе, – повторил он за своим шофером.
- Ракеты. Остановленный конвой. Йе-е-есу-у-усе... Что за день!
- Катце шнеллер!²⁴ – крикнул он. – Быстрее кошки, таку важеш матен²⁵.

Котам было на его приказы плевать. Они не желали погибать ради idiotских людских интересов. Дело свое они делали качественно, как надо, но не спеша. Автостраду, конечно, заминировать было нельзя, поскольку дыры в бетоне могли заметить издалека, но никто не мешал под нее подкопаться. Именно поэтому скорость конвоя не превышала скорость бегущего kota. Не более тридцати километров в час. А из машин при желании можно было выжать и все двести.

Дьявол! Проклятый автобан!

Десятки броневиков потихоньку сползали с Тржебницких гор, почти напрасно исходя паром и дымом.

Тихий ужас!

А коты все осторожничали. Мутанты, избрав самоубийственную тактику, устраивали собачьи атаки еще дважды. И два раза Зорг в знак быстрой победы приносил Вагнеру отгрызенное собачье ухо. Чужие гибли от огня автоматов, умирали от осколков мин, исходили кровью от укусов ядовитых зубов гепардов... Однако они сдерживали продвижение польской ударной группы, которая была вынуждена ехать все медленнее, объезжая мины и подкопы, жаря яичницу на перегревшихся кожухах паровых котлов, тратя водку, порох и валерианку. В то время, как два окруженных познаньских каравана отбивались от врагов буквально на расстоянии вытянутой руки...

Часов в восемнадцать они достигли Чекпойнта Жмигорода – брошенного несколько лет назад передового поста, от которого теперь остались только присыпанные песком руины. Только тут Вагнер смог развернуть свои силы. Под защитой выжженных еще столетие назад противовоздушных башен он предпринял атаку на левое крыло мутантов, которые тотчас отступили, почувствовав на себе убийственный огонь самоходной артиллерии. Потом в пустыню ушли разведчики. Коты были измучены, как черт знает кто, но Алексей каким-то чудом умудрился их заставить двигаться. И наконец... Они услышали паровые сирены познаньских машин.

– Форвертсовать! Форвертс! Наступай! Наступовать...

Русский штурмовой отряд очистил подступы. Бронемашин резко увеличили ход. Немцы и чехи занялись флангами и вымели их убийственным огнем. Вагнер приказал двигаться быстрее. Они, сопровождаемые мяуканьем шарахавшихся от гусениц котов и руганью, преодолели песчаное взгорье...

И наконец увидели те самые четыреста пятьдесят машин. Они занимали круговую оборону. Так, словно ими командовал наиглупейший стратег на свете, кретин, почерпнувший зна-

²⁰ Торопиться.

²¹ Они все погибнут.

²² Машины.

²³ Непереводаемая игра слов.

²⁴ Кошки быстрее!

²⁵ Непереводаемая игра слов.

ния о тактике из книжек для подростков о покорении Дикого Запада. Индейцы, вооруженные луками, и ковбой с кольтами в руках... Круговая оборона в двадцать третьем веке! Словно бы только для того, чтобы их противникам было удобнее целиться. Причем у них не было ни луков, ни шестизарядных кольтов. Зато у них имелись пулеметы и базы.

Бойня.

Вагнер выругался. Зорг фыркнул. Долгоруков отпустил такое замысловатое ругательство на русском, что, по идее, должен был получить за него Нобелевскую премию по категории «владение языком».

– Майн Готт... – Вагнер закрыл глаза, увидев, как пошли в атаку два познаньских паровых танка. Один моментально налетел на мину. Другой, обшитый броней локомотив, забуксовал в песке, потерял управление и упал в ров. У него взорвался котел, заливая кипятком экипаж, и минуту спустя с ними было покончено. – Йа... Что они делают?

– Йа-а-а. Зер гут, – буркнул Хейни. – Почернвера ам кампф²⁶.

– У-у-у-у... – Долгоруков плюнул на козых. – Поляк, дай мне свой взвод.

– Пепрц шен²⁷. – Вагнер не собирался передавать никому командование над двумя взводами. А о взводе миротворцев вообще не могло быть и речи. Кроме того, он ждал повышения и не мог позволить опередить себя какому-нибудь поручику. Красивая чешская сигнальщица наполовину высунулась из люка и, ехидно хихикнув, спросила:

– Ну, ребята, будут мне приказы?

– Пусть выступает штурмовой взвод и взвод миротворцев!

– То йе-е-е... Вир махен им впердол?²⁸ Йеа?

– Йеа.

Все еще похихикивая, она замахала флажками. Злые языки утверждали, что связист батальона, замороженный видом ее выдающегося, заманчиво колыхающегося бюста, не мог сконцентрировать внимание на цветных лоскутках на палочках в ее руках и часть приказов просто выдумывал. Однако верить им не следовало. Зной, доходивший до шестидесяти градусов, усиленный еще и жаром от разгоревшихся паровых котлов, порождал иллюзии, удивительные во всех смыслах.

Машины Вагнера потихоньку спускались вниз. Самоходная артиллерия садилась в пустыню наугад. Можно было уже слышать крики познаньцев: «Вроцлав! Вроцлав! Задайте им жару!» А сигнальщики все еще орудовали флажками. Русские из штурмового взвода строились в цепь... И тут чешка еще больше высунулась из люка.

– Дева Мария! Бункер! Там йе вердамте песи бункер!²⁹

– Йезус! Йя пер... О мамуси моя кохана...³⁰ – Наемники в бронемашине обменялись ошарашенными взглядами.

Бункер!!!

Проклятые мутанты умудрились построить настоящий бункер. Да такой, что ему и огонь артиллерии нипочем.

Долгоруков отреагировал первым.

– Русские, назад! – крикнул он, высываясь в люк. – Немедленно возвращайтесь!

Штурмовой взвод отступал, попав под огонь пулеметов. Артиллерия стала бить по вспышкам, но это не принесло никакого результата. У противника был бункер. Построенный тайно, под носом у проезжавших здесь ежедневно патрулей... Чудо какое-то. Проклятые

²⁶ Познаньцы на войне.

²⁷ Перетопчешься.

²⁸ Мы их уделаем?

²⁹ Там проклятый собачий бункер!

³⁰ О мама моя любимая...

мутанты. Как они сумели это сделать? Кстати, теперь стало понятно, почему силы твердыни Познань применяли такую странную тактику.

Бункер.

Вагнер некоторое время сидел неподвижно, пытаясь придумать, что можно предпринять в такой ситуации. Бункер... Как его взять? Отправить людей на штурм? Мутанты подпустят их метров на тридцать и всех выкосят. Кинуть на них зверей? И каким образом он вернется во Вроцлав без котов и гепардов?

Зорг вернулся из задней части бронемшины. Несло от него валерианой так, словно он опустошил всю аптечку.

– Шххх? Вххххатс нув?³¹ – пробормотал он, пытаясь сфокусировать глаза.

– Фак дих!³² – Вагнер высунул голову в люк, получил по шлему либо срикошетировавшей пулей, либо осколком и спрятал ее обратно. Дьявол! На счастье, шлем был надет на тюрбан. Иначе на лбу у него был бы приличный синяк. – Артиллеристы! Накройте их!

Голая чешка не рискнула покинуть бронемашину и передавала сообщения семафором.

– Аллес бефордерер диргуеровать! Цузаммен!³³

Расстояние между транспортерами сокращалось, и у Вагнера на маневр едва хватало времени. До познаньских машин было рукой подать.

– Долгоруков... не разочаруй меня!

Русский слегка усмехнулся. Потом кивнул и закурил сигарету.

– Выводи миротворцев и штурмантейленген³⁴, – приказал Вагнер. – Нех шен роспеджа за нашими панцерояздами³⁵. Атаковать их надо уж на волл³⁶ скорости. Понимаешь?

– Так точно, герр майор.

Иван открыл эвакуационный люк в полу, опустил свое большое тело на бетон и замер, выжидая, пока машина проедет над ним.

– Хейни. Немцы с фойерферами³⁷ пойдут вслед. Их вилл нихт³⁸, чтобы хоть кто-нибудь в том бункере дожид до ночи.

– Яволь, герр майор.

Хейни, на счастье, неплохо понимал по-польски. Вагнер, если нервничал, время от времени начинал говорить на родном языке, забывая простейшие команды по-немецки. В предыдущий раз это едва не погубило атаку, когда он приказал немцам «напепчатать сукинсунов»³⁹. Легче всего было с россиянами. Они знали все языки, кажется, вплоть до венгерского.

– Кошечка, – толкнул он голую чешку. – Гиб мир посерн командир⁴⁰.

Девушка споро заработала рукояткой семафора.

– Ано. Вас мам указать?⁴¹

– Прикройте меня. Хэви граунд атак!⁴² Тьфу! – Вагнер сообразил, что разговаривает с поляком и теперь можно обходиться без жаргона. – Атака на подавление. Сделай, что можешь.

Ее тонкие ручки творили чудеса. Потом она приникла к перископу.

³¹ Что теперь?

³² Чтоб тебя!

³³ Всем двигаться быстрее! Разом!

³⁴ Штурмовую группу.

³⁵ Пусть разгонятся за нашими бронемашинами.

³⁶ Полной.

³⁷ Огнеметами.

³⁸ Я не хочу.

³⁹ Навалиться на сукиных детей.

⁴⁰ Дай мне командира познаньцев.

⁴¹ Да. Что нужно передать?

⁴² Атакую крупными силами!

– Отвечают... Х-о-р-о-ш-о-п-р-и-к-р-о-ю. У-м-е-н-я-е-щ-е-е-с-т-ь-ч-е-т-ы-р-е-т-а-н-к-а. Вагнер выскочил из транспортера через боковые двери и, укрывшись за броневыми плитами, крикнул:

– Долгоруков, вперед. Наступление!

Взвод миротворцев, состоящий из тридцати тигров, двинулся вперед под охраной транспортеров. Наемники открыли огонь, вскоре заговорила артиллерия, двинулись познаньские танки. Немцы накачивали баки со смесью, поднимая в них давление, чтобы можно было использовать огнеметы.

Потом тигры выскочили из-за машин и на полной скорости бросились в атаку. Один моментально налетел на мину, три сбились в кучу и остановились, а остальные продолжали наступать.

– Зорг!

Гепарды перемешались с немцами. Снова мина. Вторая, третья... Йесу-у-ус... Атака могла захлебнуться. Марта, красивая венгерка, умеющая прекрасно готовить, вечерами певшая исполненные ностальгии песни и четырнадцать уже раз пытавшаяся покончить с собой, высунулась из-за броневое щита. Она стреляла из ручного пулемета по бункеру. И конечно, ее вскоре должны были снять меткой очередью, но тут один из познаньских танков остановился и засадил-таки снаряд в амбразуру вражеского укрытия! На подступах поднялась кутерьма. И тотчас после этого в бункер ворвались тигры, а за ними – гепарды. Потом у амбразур оказались немцы со своими огнеметами.

– Вер! Вер! Раусовать! – кричали они зверям. – Ди катцен... Все раус!⁴³

Немного погодя, когда звери уже убегали коридорами, обозначенными котами, люди пустили в ход огнеметы. Смесь, которой они были запроважены, имела свойство прилипать к любой поверхности. И горела. Огонь этот нельзя было погасить ничем – ни водой, ни пеной. Еще эта смесь обладала собственным окислителем и сгорала полностью. Как и обещал ее производитель.

После того как крики из бункера слегка стихли, с холмов застрочили пулеметы, прикрывая убегающих. Впрочем, в укреплении уже не было никого, способного убежать. Артиллерия скорректировала огонь, и очереди стали стихать.

– Доложить о потерях!

Отдав это приказание, Вагнер покинул транспортер и вышел на дорогу.

Взвод миротворцев уже зачищал поле битвы, и случайных выстрелов опасаться не следовало. Шоферы грузовых машин еще сидели в укрытиях, однако познаньские солдаты уже выходили на дорогу. Хорошо вышколенное и великолепно оснащенное войско. Вот только ничего они в пустынных войнах не понимали. Все еще верили в свои танки, лобовые атаки и превосходящую огневую мощь. В отличие от вроцлавян, контактов с бедуинами они не имели и, соответственно, ничему от них научиться не могли.

– Сигнальщица и офицеры – ко мне, – приказал Вагнер.

Вся свита поспешно собралась. После этого они отправились на встречу с командованием конвоя, которое как раз выгружалось из бронемшины весом более ста тонн, увенчанной броневыми башенками: из них торчали орудийные дула, стволы минометов, гранатометов и пулеметов.

– Пан генерал, майор Вагнер рапортует о прибытии ударной группы.

Сэм Павелец являлся старым волком автострадных боев. Однако окружен он был молодыми офицерами, одетыми в причудливые мундиры, соединявшие признаки униформы иностранного легиона и африканского корпуса времен Второй мировой войны. А еще на них красовались кожаные сапоги до колен, кожаные пояса и кожаные патронташи. Как они в этом всем

⁴³ Прочь! Назад! Кошки... Все назад!

не сварятся по такой жаре? Впрочем, познаньцы тоже посматривали на наемников с некоторым удивлением. Как это возможно, чтобы майор имел на себе только бурнус и тюрбан? Почему на поручиках лишь бронежилеты, а их сигнальщица попросту голая и ничуть этим не смущается?

Павелец заметил недоуменные взгляды и объяснил:

– Они в первый раз.

Сэм знал, что совершенно бесполезно требовать от наемников хоть какой-то дисциплины. В их ряды в основном попадали индивидуалисты с непомерно раздутым эго. Однако если кто-то, желая завербоваться, в одиночку умудрился прорваться через убийственную пустыню, стало быть, у него на задку три пары зорких глаз, не только шестое чувство, но седьмое и восьмое дополнительное, а солдат он просто прирожденный.

– Пан поручик, – генерал подошел к Зоргу и приложил два пальца к головному убору, – ваша атака мне очень понравилась.

Познаньские офицеры окаменели. Как можно отдавать честь зверю? Зорг бросил на них взгляд и тихо фыркнул. Потом поднял и выпрямил свой цепкий, как у обезьяны, хвост, заканчивающийся скорпионьим жалом, явно салютуя в ответ.

Чешка приняла сведения о потерях, подаваемые с поля азбукой Морзе, и отрапортовала:

– Наши потери: айн⁴⁴ тигр, драй коты⁴⁵, три люди. Познаньцы потеряли: фюнф⁴⁶ танков, один бефордер⁴⁷, двадцать девять ЛКВ, и да, ахт унд зехцинг люди⁴⁸.

– Неплохо. – Вагнер обернулся к своим солдатам и крикнул. – Разбито двадцать девять грузовиков. Берите себе, что пожелаете. Только быстро.

По-польски понимал, наверное, лишь один из десяти наемников. Однако смысл именно этого приказа все уразумели великолепно. Все, кто были: люди, гепарды, тигры, коты и даже птицы – стремглав кинулись к обломкам на автостраде.

– Господин майор, вы, кажется, допускаете ошибку, – не выдержал кто-то из познаньских поручиков. – Мы погибаем для того, чтобы доставить груз во Вроцлав, а вы разрешаете его грабить?

– Грузовики разбиты, а дополнительный груз на боевые машины я взять не позволю. Все лишнее придется сжечь.

– Как это – сжечь?

– А вы что думали? Оставить все это мутантам?

– Йезуз... но ведь в тех машинах и трупы наших товарищей.

– Мне жаль. У меня не хватит напалма, чтобы сжечь еще и тела.

– Зачем жечь? – повторил поручик. – Мы должны устроить им достойные похороны.

Павелец рассмеялся, но как-то невесело.

– Ты думаешь, у мутантов нет лопат? – Он отер пот со лба. – Ночью выкопают наших и съедят.

– Боже! – Молодого офицера едва не стошнило. – А что сделаем мы?

– Как обычно... – Генерал тяжело вздохнул. – Напичкаем каждого шестого ядом по самые уши и... – Он снова вздохнул. – И оставим здесь.

– Йесус... Йесус. Ну ладно, а почему не отравить все тела? – Поручик, кажется, начинал проявлять признаки рассудка.

⁴⁴ Один.

⁴⁵ Три кота.

⁴⁶ Пять.

⁴⁷ Транспортёр.

⁴⁸ Да, шестьдесят восемь человек.

– Тогда они придумают какое-нибудь противоядие, – объяснил Вагнер. – А каждый шестой нанесет диким больший урон, чем все наше сражение. Так поступают бедуины и получают неплохие результаты.

– Да-а-а-а... солдаты воюют даже после смерти. – Павелец взял Вагнера под руку и отвел его в сторону. – У меня для вас, господин майор, есть особый груз.

– Знаю. Барила меня об этом предупредил. – Вагнер припомнил письменный приказ, полученный им перед самым выездом. – Кажется, курьер из США? Это возможно?

– Несомненно. – Павелец открыл дверцу ближайшей машины. – Сью! Передаю вас в руки адресата.

Из машины появилась рослая негритянка в полевом мундире морского пехотинца.

– Приветствую, господин майор. – Она протянула руку. – Полковник Сью Кристи-Андерсон. Корпус морских пехотинцев Соединенных Штатов Северной Америки.

Вагнер вытаращил глаза. Это была первая американка, которую он видел в жизни. И третья чернокожая.

– Вы неплохо разговариваете по-польски.

– Вы тоже. – Они обменялись рукопожатием. – Прошу обеспечить мне охрану. Выполняю очень важную миссию.

Павелец только махнул рукой и решил поторопить своих людей. Вагнер слегка улыбнулся. Не мог представить, какую миссию может выполнять в Польше офицер из-за океана.

– Зорг! Опекай даму. Главное, если заснет, не откуси ей ноги, как той, последней курьерше.

Американка на этот не очень изящный крючок не попалась. Отдав честь, она сказала гепарду:

– Приветствую пана поручика.

Зорг проглотил слюну, потом удивленно взглянул на Вагнера и буркнул:

– Хай!

А американка уже внимательно разглядывала вроцлавские машины, их вооружение, снаряжение и то, как их обслуживают наемники.

– Почему они в пять раз меньше познаньских? – спросила она, указав на монстроподобную бронемашину за спиной.

– Бедуинская мудрость, – объяснил Вагнер. – Зато они могут разогнаться до двухсот километров в час. Это помогает быстрее уносить ноги.

Девушка снова не обратила внимания на подколку. Похоже, принципиально.

– Называй меня Сью. По-польски это, кажется, Сусанна?

– М-м-м-м... Точнее, Зося. – Вагнер подмигнул Зоргу.

А негритянка все приглядывалась, сравнивая вооружение войск из разных городов, подмечая малейшие особенности. Похоже, из нее мог вырасти неплохой специалист пустынных войн.

Наконец она прекратила это занятие и, повернувшись к Вагнеру, посмотрела ему в глаза, прикусила губу.

– О'кей! Поведай мне, как здесь выживают. Хорошо? У меня действительно важная миссия.

Вагнер пожал плечами, потом провел ладонью по ее прекрасным косичкам, спускавшимся аж до середины спины.

– Первым делом – волосы. Они должны быть очень короткими. И не только на голове. Если же ты этого не хочешь, то придется ходить голышом. – В подтверждение своих слов он показал на чешскую сигнальщицу. – Остальные инструкции будут потом.

– Понимаю. О,кей! – кивнула американка.

К этому времени вокруг уже столпились нагруженные добычей наемники и с удивлением пялились на необычного гостя. Вагнер призвал Марту. Та взяла из транспортера свою парикмахерскую машинку и проводила госпожу полковника в ближайшее уединенное место, словно барана на стрижку. Солдаты уселись на награбленное барахло. Им хотелось увидеть, чем все закончится.

Сью Кристи-Андерсон вернулась уже через несколько минут, остриженной под мальчика. Череп у нее оказался идеальной формы.

– Волосы на голове и... хм, там... это чтобы не подхватить насекомых? У вас водятся какие-то специфические насекомые?

– Нет. – Вагнер заглянул ей в глаза. – Это была только шутка, Зося.

Наемники разразились хохотом. Долгоруков упал на спину и трясся от смеха. Марта хихикала. Хайни закрыл лицо, а Алексей, высунувшись из люка, хлопал в ладоши. Даже Зорг довольно прищурил глаза.

Американка колебалась где-то с полминуты, а потом тоже засмеялась, хотя и несколько вымученно.

– Ну хорошо, – признала она. – Ты меня сделал. Теперь мне надлежит раздеться догола?

– Это было бы лучше всего, – промолвил Вагнер. – Однако, если ты хочешь, могу дать бурнус. – Он прикоснулся к ее мундиру. – Иначе получишь солнечный удар.

Пожав плечами, она взяла у какой-то девушки не слишком пропотевшую рубашку, длинной до колен, и тут же ее надела. Следовало признать, благоразумием она обладает. Наемники это отметили и шутить над ней более не стали. Никто не пытался засунуть ей kota в трусы, кинуть в лицо молодую гепардицу или окатить ноги кипятком из спускового крана. В сообразительности негритянке отказать было нельзя. Вероятно, она даже догадалась, что шутка Вагнера спасла ее, например, от «случайного» прикосновения спиной к паровому котлу, от «случайной» подножки, падая после которой она должна была разбить себе лицо о стальную переборку. Похоже, она уже бывала среди наемников и неплохо знала, что они могут сделать со штабным офицериком, неожиданно оказавшимся среди настоящих солдат. После того как они отправились в обратный путь до Вроцлава, она даже шепнула Вагнеру «спасибо». В общем, она и в самом деле оказалась неглупой обезьянкой. Стояла, опираясь о стену транспортера, и стоически переносила качку и тряску. А если некто даже и подал ей фляжку, в которой была не вода, а что-то другое... Какое это имело значение, если Сью знала: она попадет во Вроцлав живой, здоровой и даже не поцарапанной.

Вагнер разглядывал ее с усмешкой. Ему уже не раз случалось видеть офицеров, неожиданно утративших пол штаба под ногами. Одно дело рассматривать цветную карту и втыкать в нее маленькие флажки, а совсем другое – быть этим маленьким флажком, воткнутым в какую-то дорогу. Впрочем, Сью Кристи-Андерсон держалась молодцом. Даже поделилась с экипажем своим запасом самокруток. Купить она этим их не купила, однако... Ближайшей ночью американка могла спать спокойно, не опасаясь ощутить между ногами крысу.

На счастье, Тржебницких взгорий они достигли еще до заката. Поскольку езда в темноте была верным способом покончить счеты с жизнью, им пришлось разбивать лагерь. Впрочем, они были уже в пределах досягаемости артиллерии Вроцлава. Соблазнительная чешка запустила в воздух несколько сигнальных ракет. Теперь парни у прицелов твердыни четко знали, где находится их позиция. Коты обшарили местность и признали ее безопасной.

Солдаты жарили эскалопы на паровом котле ближайшего транспортера. Марта приготовила несказанно вкусный суп из продуктов, добытых в разбитых грузовых машинах, а после ужина играла на гитаре и пела печальные песни. Потом она вспомнила, как в будапештском бункере у нее прямо на глазах насиловали ее дочь, разрыдалась и отправилась делать еще одну попытку самоубийства. На счастье, влюбленный в венгерку по гроб жизни Алексей, догнав,

всадил ей в спину парализующий заряд. Потом он уложил женщину спать и, прежде чем укрыть пледом, ввел ей ампулу амфетамина, для того чтобы она не так сильно плакала.

Наемники, избежавшие караула, наслаждались водкой и пылью.

Познаньские солдаты были настолько хорошо организованы, что им даже удалось что-то подогреть, и они теперь поедали свою синтетическую еду. Хорошо поджаренные эскалопы наемников, конечно, вызывали зависть, но, поглядывая на них, солдаты не двинулись дальше плоских шуточек о том, что это мясо, скорее всего, человечье. Водители грузовиков так устали, что даже толком ничего не поели. Кто-то зажег огонь на песчаном холмике, политом напалмом. В общем, было неплохо, даже хорошо, поскольку светил месяц и каждый развлекался, как мог. Конечно, если удавалось забыть, что в ближайших барханах лежат кости тысяч убитых, что это пикник на кладбище...

Сью Кристи-Андерсон подошла к Вагнеру после полуночи. Стряхнув с себя кота, насосавшегося валерьянки по самые кончики ушей, она вынула из сумочки последнюю самокрутку. Прикурив ее, негритянка сделала затяжку и предложила майору.

– Откуда у вас разумные звери? – спросила американка. – Кажется, после китайской бомбы возможность проводить генетические эксперименты была...

– Они рождаются сами. Натуральным образом. Понимаешь? Любовь, беременность, роды... и вот их на свете становится больше.

Женщина усмехнулась.

– Мутации произошли перед бомбой Чен? И теперь зверье передает измененные гены потомству... Сколько уходит в брак?

– Пять – семь процентов. Однако прогресса не наблюдается. У нас еще по крайней мере сто лет будут разумные гепарды, тигры, коты и птицы...

– Ты знаешь, что у нас есть змеи? – Она открыла прикрепленную к поясу сумочку и показала гремучую змею. – Обнаруживает мины лучше кота. И собак не боится.

– Однако она в девять раз медленнее обычного кота. – Вагнер сделал глубокую затяжку и отдал самокрутку госпоже полковнику. – Где научилась так говорить по-польски, Зося?

– Отец был поляком.

– Был?

– Да-а-а... Застрелили его под Саванной, охранял конвои.

– О-о-о-о... Он не первый поляк, которому там прострелили голову.

Она поняла не сразу, а потом, видимо припомнив какую-нибудь книжку по истории, подмигнула Вагнеру и тихо рассмеялась.

– Наглец.

Он рассмеялся в ответ.

– Скажи... как там, в Штатах?

Она пожала плечами.

– Как везде. Люди живут в бункерах, синтетическая пища, бунты, усмирения, мутанты. Полная безнадега.

– Ты посмотрела мир...

– Ну да. Была в Детройте и в Вашингтоне. Переплыла на паруснике Атлантику. Очутилась в лондонских бункерах. Занесло меня в Осло. Знаешь, что там холодно? Внезапно пятнадцать, двадцать градусов холода зимой. Хе... Экстра! Потом я поплыла пароходом через Балтику на Познань. Ведаешь, какой классный порт в Познани? Только все время стреляют из пушек. Из-за этого трудно заснуть в бункере.

– Знаю. Дикае звери все время атакуют Познань, поскольку это главная база снабжения Вроцлава.

– Почему так важен Вроцлав?

– Так же, как и тысячу лет назад. Город на перекрестке дорог Запад – Восток, Север – Юг. Главный узел контрабандной торговли обновленной Европы.

– Ну и что?

– Он защищает всю Польшу.

– А-а-а-а... Разве контрабанда так важна?

– Увидишь. Фестунг Бреслау тебя заинтересует.

– Э-э-э-э... обычные бункеры. Безнадега, как и всюду.

Вагнер рассмеялся. На этот раз – громко.

– Сама увидишь.

Закутавшись в одеяло, он отошел в сторону, чтобы отправить почтового голубя с рапортом о событиях прошедшего дня. Алексей уже держал подготовленную и разогретую для полета птицу, но сначала показал Вагнеру маленькую записку, доставленную голубем из Вроцлава. Судя по неразборчивому почерку, автором ее был сам генерал Барила. Майор пробежал взглядом несколько строк текста и ошарашенно pokrutil головой.

«Анджей, надеюсь, что глупая девка из ЦРУ, представляющаяся полковником морской пехоты, уже у тебя в лапках. В отношении ее у меня для тебя есть специальное задание. Когда окажетесь в городе, займись ею вплотную. Для того чтобы все казалось натуральным, покажи ей свой дом, жену, ребенка. Оставь ночевать. Представь лучшие стороны жизни... Пусть перед встречей со мной отмякнет. Выжми из нее слезы. Она для меня очень важна, так что постарайся.

Подпись: Барила, генерал.

Постскрипtum. Спорим, ты, свинья, уж обрезал ей волосы?»

Удивительное задание... заставить Шоколадку плакать? Конечно, сделать это не так трудно... А собственно, что происходит?

Вагнер подозвал жестом Хейни и, многозначительно ему подмигнув, шепнул:

– Следи за Зосей.

После этого он вернулся к негритянке.

– В общем, Шоколадка, держись рядом со мной. Наверняка на нас перед рассветом нападут. Выкопай себе в песке укрытие.

– Шоколадка? – Госпожа полковник, а вернее агент ЦРУ, вынула из ранца складную лопатку и принялась копать. – Все поляки такие расисты?

– Несомненно. А если узнают, что ты обрезана, будет хуже.

На этот раз она рассмеялась, однако смех тотчас застрял в ее горле. Вскрикнув, американка отскочила в сторону.

– В моей яме чья-то нога.

Вагнер лениво взглянул на уже побелевшие кости. Сражения на автобанах длились не меньше ста лет. Гораздо удивительнее, если бы в песке не нашлось ничего подобного. Вынув плоскую бутылочку водки, он протянул ее негритянке.

– Хлебни.

Негритянка все еще пыталась овладеть собой.

– Сейчас. – Она потрясла головой, потом выпустила из сумки свою гремучую змею. – Мне кое-куда нужно.

– Делай все тут, – посоветовал он. – Коты-часовые змею не пропустят. А если надумаешь прогуляться без нее, то лишишься своих красивых ножек на первой же mine.

– Как это... тут? При всех?

– Боишься, что тебя изнасилует та чешка? Спокойно. Она уже напичкана амфетаминами до одурения.

Она все же немного отошла, а он, старательно не глядя в ее сторону, отвинтил крышечку и сделал глоток. Через некоторое время негритянка вернулась и, усевшись рядом, прислонилась к его плечу.

– Знаешь... – вздохнула она. – Тут с вами... как бы так... тепло.

Сказано это было вполне естественно. Не будь письма генерала, он мог даже попытаться сделать ей «тепло». Вообще, играла она неплохо. Вот только для чего?

Он подал ей бутылку, и она сделала большой глоток.

– Шоколадка...

– Что, расистик?

– У тебя нет желания слегка объединиться?

Она вздохнула и прошептала:

– Ну, может, и есть. Однако заниматься чем-то таким на глазах у остальных...

Она сделала еще один большой глоток и вернула ему бутылку.

– Почему все так получается?

Вагнер поднял глаза к небу.

Ему уже надоели разговоры на тему: «Как все могло быть хорошо, не случись это шайзе⁴⁹».

Сначала был век пара и электричества, потом эра атома, потом война, американская бойня под Пекином и китайская бомба Чен. А потом снова начался век пара, но без электричества. Никто не знал, чем являются чены. Какие-то бактерии? Наномеханизмы? Крохотульки, вызывающие ионизирующее излучение? Без электричества, благодаря которому действуют электронные микроскопы, выяснить это невозможно. Причем это нечто, эти чены витали в атмосфере Земли, кишели повсюду. И... превращали изоляторы в проводники. А это означало возвращение назад, к факелам, освещающим внутренность бункеров, к добыче каменного угля, к войнам, ведущимся при помощи пушек и пулеметов. Конечно, что-то от периода наивысшего развития человечества осталось. Остались генетические изменения, иммунитет к классическим болезням, некоторое количество передовой химии. Еще со времен войны остались бункеры, позволяющие выжить тем, кто не превратился в чудовищ. Еще сохранились климатические изменения, гигантские моря, возникшие в результате таяния льдов. В целом, если тебе повезло избежать смерти и участи быть съеденным, если удалось поселиться в бетонном укрытии, находящемся под властью мафии или какого-нибудь правительства, можно было даже неплохо жить. Некоторые страны сохранили организационную структуру. Такие, как государства на Дальнем Севере, где добывали уголь и плавил сталь, или те же самые Польша, Марракеш, Африканская Уния, жившие с контрабанды и производства наркотиков. Существовали также всякие альянсы, такие как Бедуины или Арабы, занимающиеся охраной караванов, пересекающих пустыню от Средиземноморья на север и обратно, а также Казаки и Татары, охранявшие дороги на линии Восток – Запад...

Вагнер и не заметил, как заснул.

Проснулся он от одиночного выстрела и мяуканья котов. Поскольку спал он, положив голову на живот негритянки, шея у него затекла и теперь сгибалась с трудом.

Как и предсказывалось, мутанты напали под утро. Впрочем, эта авантюра была с самого начала обречена на провал. Коты вовремя разбудили артиллеристов и пулеметчиков, а те начали садить из своего оружия. Наемники запустили ракеты, а Вроцлав тотчас прислал сотню снарядов большого калибра. Все живое, оказавшееся в ближайших песках, тут же и погибло. Вагнер, оглушенный взрывами, выплевывая попавший в рот песок, потащил за собой Зосю и вылез из ямы. Выкрикивая ругательства, они напрасно пытались хоть что-то услышать

⁴⁹ Дерьмо.

или увидеть в песчаной буре, возникшей от разрывов вроцлавских снарядов. Звери инстинктивно жались к своим машинам. Генерал Павелец собирал людей.

Поганое пробуждение.

Тронулись в путь они только через полчаса. На счастье, других неожиданностей не возникло. Колоссальный конвой поначалу немилосердно медлил, а потом, когда она въехали в круг первых укреплений, вдруг подбавил пару. Дымы каминных труб полностью скрывали купол Фуллера, и Вроцлав поначалу им показался дивным, сотканным из серого марева миражом.

Сью Кристи-Андерсон высунула голову из люка.

– У вас такой большой бункер?

– Бункер? – Вагнер слегка улыбнулся. – Протри глаза.

– Что?

– Ты увидишь.

Потом было гудение гидравлических моторов, открывающих ворота туннеля. Наемники разбивали гильзы с химическим светом. Немного погодя они очутились во мраке, сквозь который лишь кое-где пробивались слабые огоньки. Стало холоднее.

Машину Вагнер приказал поставить в одном из боковых переходов метро. Соскочив с бронированного борта, он приказал:

– Выходим.

– Я сначала должна доложить...

– Спокойно, – прервал американку Вагнер, снимая бурнус. – Прежде всего надо принять душ. – Он открыл дверь одной из многих скрытых в стене кабин. – Входи.

Негритянка сняла рубашку и, пристроившись с ним рядом, сказала:

– Странный у вас душ. А где находится газовый рычаг?

– Хочешь мыться газом? – засмеялся майор. – Посмотри. – Он повернул кран, и на них хлынула вода.

Американка ошалело вытаращила глаза.

– Вот это да... У вас так много воды?

Нагирая ей спину, Вагнер объяснил, что вода эта химически очищена и используется не в первый раз. В той самой, которой они моются, наверняка побывало еще не менее пары тысяч человек. И все же ей не верилось в такое богатство. Наемники из соседних кабинок смеялись и кричали, что она увидит большие чудеса.

Вагнер подал ей полотенце. Потом она вынула из сумки парадный мундир морского пехотинца. Майор облачился в тропический вариант формы 31, состоящий из сандалий, полотняных шпортов, рубашки с нашивками и пробкового шлема. Оружие на пояс он вешать не стал. С того времени, как его сын научился ползать, он не приносил оружие в дом.

– Идем? – спросил Вагнер, указывая в сторону лифта.

И все-таки ему пришлось подождать, пока госпожа полковник застегнет все пуговички мундира. Тело у нее оказалось великолепное, и если бы не крупный, типично негритянский зад, а также слишком длинные стопы, она вполне могла бы претендовать на звание красавицы. Вагнер почти пожалел, что вокруг были солдаты и он не попытался дать себе волю под душем. В лифт, однако, они вошли лишь втроем, вместе с Зоргом, который не мылся и поэтому все положенные процедуры закончил быстрее. Остальные наемники торопились не слишком.

Лифт пошел вверх, и тут Вагнер предупредил:

– Теперь приготовься.

– К чему?

– К шоку, – грустно усмехнулся он.

Вагнеру уже приходилось наблюдать реакцию тех, кто оказался в городе в первый раз. Он собственными глазами видел, как одного венгра от удивления вырвало. Еще он слышал от

коллег, что некий араб впал в состояние амока и застрелился. По счастью, Сью Кристи-Андерсон не имела при себе оружия.

Когда они оказались наверху и двери лифта со скрипом отворились, он пропустил даму вперед.

– Прошу.

Первым делом она сощурилась от яркого света, тряхнула головой, а потом...

– Боже! – она отшатнулась назад. – Это нереально!

– Наоборот, – поддержав ее, сказал Вагнер. – Это все настоящее.

– Боже! Боже! Шит! Факин буллшит!⁵⁰

– Оу йе-е... – промурлыкал Зорг.

Ему тоже случалось видеть подобную реакцию.

Станция подземных лифтов находилась на Взгорье Воеводском, и негритянка изумленными глазами пялилась на покрывавшие его пальмы, туи и цитрусовые. А еще она видела аккуратные дорожки, окруженные зеленью лавочки... Потом она посмотрела в сторону Монастырского острова, украшенного башнями старинных костелов, минаретами мечетей и куполами синагог. А потом увидела Одер.

– Йезззз! Итс ривер... Эм ай гоуин крэзиии?⁵¹

– Нет, ты видишь самую настоящую реку.

– Откуда? – Первый шок прошел, и американка снова перешла на польский. – Откуда взялось столько воды в пустыне?

– Не верь глазам своим. Дно раскрашено так, чтобы возникал эффект пары метров глубины, а на самом деле там всего пара сантиметров. – Вагнер слегка улыбнулся. – Потом вода под землей перекачивается обратно и вновь течет мимо города, так, чтобы всем казалось, будто это настоящий, исторический Одер...

– Мама моя... Это первая река, которую я вижу. – Негритянка взглянула на купол из фуллерена, накрывавший весь город, потом опять посмотрела на пальмы. – У вас хватило денег на столько пластиковых деревьев?

– Они не пластиковые. Они настоящие.

– Как – настоящие? Растут?

– Конечно.

– Боже Пресвятой... – Она едва не потеряла сознание. – Не может быть на свете такой красоты. А это... – Она показала на ближайшее дерево. – Скажешь еще, что это настоящий банан?

– Да.

Она подошла ближе, протянула было руку, но, увидев подходящего сбоку полицейского, отскочила назад.

– Прошу извинить, я только хотела посмотреть, – в испуге крикнула она. – Не прикасалась!!! Клянусь!

Полицейский улыбнулся.

– Похоже, вы во Вроцлаве первый раз?

– Я не прикасалась. Не прикасалась!!! Вы не можете меня арестовать.

– Успокойтесь.

Сказав это, полицейский хотел отойти, но Вагнер его остановил.

– Она из Соединенных Штатов Америки. Может, дадим ей попробовать один?

Полицейский пожал плечами.

– Какие могут быть разговоры?

⁵⁰ Непереводимая игра слов.

⁵¹ Это река... Я сошла с ума?

Он вынул из кармана блокнотик и, что-то написав на листочке, шлепнул по нему печатью.
– Прошу, это разрешение сорвать один банан.

Полицейский протянул негритянке листочек, отдал честь и пошел прочь.

Сью Кристи-Андерсон проглотила слюну. Подозрительно глядя на Вагнера, спросила:

– О чем вы разговаривали?

– Зося, ты можешь сорвать один.

– Настоящий банан?

– Угу.

Думая, что это их напугает, она быстро вытянула руку в сторону дерева. Однако никто на это не отреагировал. Вагнер терпеливо ждал, а Зорг, справив малую нужду на газоне, лениво зевнул.

– Ну, действуй.

Только теперь она сообразила, что майор не шутит и сорвать для себя настоящий банан можно. Сглотнув слюну, негритянка взглянула на ближайшую кисть.

– А-а-а-а... а если плохо сорву и они упадут все? Тогда меня арестуют?

– Не глупи, Зося. Ну, давай за работу.

Она все-таки сделала это! Наверняка заодно вручив Богу свою бессмертную душу. Зорг зевал. Госпожу полковника, казалось, вот-вот хватит удар. Впрочем, она прошла суровую школу и, стараясь сделать вид, что ничего не происходит, храбро укусила банан вместе со шкуркой. Зорг покатился по траве, Вагнер засмеялся.

– Их очищают, глупая Шоколадка. – Майор показал ей, как это делается. – Съедают серединку, а остальное выбрасывают в мусорный ящик.

– Что такое мусорный ящик?

– Ну, ящик, куда... ну... ну, куда складывают мусор.

– А что такое мусор?

– Вот эта штука. Короче, это остатки, части чего-то, которые уже никуда не годны.

– И что вы делаете с этим мусором? – Она бросила на Вагнера мрачный взгляд.

Банан был уже съеден, а шкурку она держала в руке и, похоже, не могла просто так с ней расстаться.

– Не знаю. Куда-то выкидывают. – Майор и в самом деле не имел представления, как работает отдел, следящий за чистотой города. – Ну, хорошо. Ты можешь взять себе на память, но эта штука скоро сгниет.

Он пошел дорожкой вниз по склону. Негритянка следовала за ним, с удивлением разглядывая росшие вдоль дороги пальмы, туи, платаны и кипарисы. Неожиданно она спросила:

– А это что такое?

– Сосенка.

– Что такое сосенка?

– Ну, такое дерево. Елка или лиственница... Черт! Точно не знаю, я ведь не ботаник.

– Ты меня опять обманываешь. Я видела настоящие деревья в музее в Детройте и знаю, что у них должны быть листья. Я не такая темная.

– А у этих иголки. Давай двигайся быстрее.

Он проследовал дальше, не обращая внимания на очередные восклицания и вопросы полковника.

Потом они уселись в маленькой закуской на Мосту Мира. После того как исчезли машины, мост оказался слишком широким для рикш, пролеток, и поэтому по бокам он был уставлен столиками. Легкий ветер, генерируемый гигантскими крыльями Монастырского острова, приятно охлаждал кожу. Тремя столиками далее в бешеном темпе наливались несколько арабов, на время отказавшихся от принципов ислама. Тут же, рядом с ними, какая-то среднего возраста женщина, поедая мороженое, успокаивала своего кокер-спаниеля, вознамерившегося

было облягать Зорга. А в остальном вокруг них было пусто, сонно и как-то уж очень благополучно. Даже кельнер не заставил себя ждать.

– Добрый всем день. Чем могу служить?

– Эта пани из США. Может, стоит ее угостить салатом из свежих овощей, какое-нибудь вино... ладно, хорошо. Что-нибудь из Африки. И может, даже булку, только свеженькую, хрустящую, густо намазанную маслом. Ага, и прошу хорошо посыпать солью. Наша гостья всю жизнь ела синтетику. Ее язык не воспримет нерезкий вкус.

– Понимаю. Добавлю идиокамину.

– Нет-нет-нет. Никакой химии. – Вагнер слегка улыбнулся. – Понимаю, что это не покажется ей вкусным, однако... пусть хоть раз в жизни попробует натуральной пищи.

– Понимаю. Только... у этой пани будет... э-э-э-э... я извиняюсь, но после такой еды у нее будет...

– Делать нечего. Кроме всего прочего, она полковник морской пехоты. Как-нибудь выживет.

Еще Вагнер заказал себе виски, а для Зорга сырой рубленой свиной печенки и валериановых капель.

– Ты... Анджей. – Негритянка машинально прикоснулась к своему поясу. Наверняка там были зашиты золотые доллары. Они вполне могли произвести впечатление в Британии, может быть в Осло, слегка в Познани. Здесь же весь ее пояс стоил скромного обеда в такой забегаловке. – Во сколько это тебе обойдется?

– Не глупи. Я оплачу.

– Но все-таки сколько?

– Каких-нибудь сто двадцать, сто тридцать тысяч злотых.

– Сколько это на доллары?

– Два-три миллиона. Точно не скажу, поскольку на них нашу валюту не меняют.

Она тяжело вздохнула, поджала губы.

– Два-три миллиона. Столько я не потяну.

– Я тебя пригласил.

– Не глупи, – повторила она его слова. – Сколько ты зарабатываешь?

– Зося. Не имеет смысла сравнивать цены и зарплаты во Вроцлаве. Здесь эксклюзивные цены и небывало огромные зарплаты: для того, чтобы никто сюда не приезжал и не пытался совать нос в наши дела. Ты думаешь, люди не хотят жить в раю? Хотят. И чтобы нас не называли ксенофобами, расистами, мы никому не запрещаем этого делать. Вот только ни у кого не хватит денег на жизнь здесь. Но это уже их проблемы. Не наши.

– Однако... здесь и вправду рай.

– Конечно. – Он замолчал, поскольку кельнер стал выставлять на стол заказанные напитки, кушанья, и продолжил, когда тот отошел: – А как ты думаешь, почему?

– Вам повезло, и вы успели перед войной поставить фуллереновый купол.

Вагнер возмущился:

– Ты глупа, Шоколадка. Видела познаньскую твердыню?

Она кивнула.

– Видела? Там наше войско отчаянно дерется за власть над автострадой и портом. Для того, чтобы можно было снабжать Вроцлав, солдаты живут в бункерах, в отчаянии, гибнут на забытом всеми шоссе. Только для того, чтобы мы могли есть свежую пищу. Знаешь, почему? Я тебе скажу. – Он поднес к губам стакан с отличным американским виски. – Настоящее Войско польское стоит в почетных караулах при памятниках, охраняет входы в учреждения. Воюют наемники. Поляки у них могут быть только высшими офицерами. Однако этих наемников надо чем-то подкупить. Например, иллюзиейрая. Знаешь, какие легенды бродят о Фестунг Бреслау в рейхе или в России? Люди жертвуют своими семьями, чтобы достигнуть края мечты. Видела

Ивана Долгорукова? Он был в Москве бухгалтером. В одиночку перебрался через пустыню, без оружия и припасов. Попал к нам, и, несмотря на то что он не имел понятия о военной службе, мы сразу сделали его поручиком. Если кто-то умеет выживать и убивать голыми руками, это означает, что он является прирожденным солдатом и никакие академии ему не нужны. А Хейни? Мейне либер Хейни? Он был утилизатором трупов в бункере Штутгарта, но сумел сюда добраться и вместо документов показал сотню ушей убитых мутантов. У него был «хеклер-кох», в котором за пару недель до нашей встречи кончились патроны... А пришел он к нам целым и невредимым. Даже не сильно устал. А Марта? Была палачом в Будапеште, однако что-то там не склеилось, и ее семья отведала настоящего кошмара...

– Зачем ты мне это рассказываешь?

– Я хочу только сказать, что наемник может драться за золото, но деньги не значат ничего. У нас наемники дерутся за право жить в раю. Никто не будет каждый день подставлять задницу или рисковать быть съеденным, пусть даже и с отравой, только лишь за деньги. Эти ребята творят чудеса, чтобы вернуться сюда. У них здесь жены, любовники и любовницы... У них есть перспектива нормальной жизни, о которой весь остальной мир может только читать в старых книгах. И именно поэтому польская армия здесь может вести себя так беспечно.

Рот у американки был переполнен слюной. Вместо того чтобы продолжить разговор, она принялась за салат. Похоже, он не очень ей понравился. Сказывалась привычка к синтетической пище. Вот вино – наоборот, пришлось по вкусу... Она выпила целый бокал быстрее, чем майор прикончил свой виски. Ну а булка... булка, толсто намазанная маслом и щедро посыпанная солью, была великолепна.

Сью запихнула в рот еще одну порцию салата и промолвила:

– Знаешь... на вкус он как трава. Представляешь, я когда-то из любопытства пожевала настоящую траву...

– В Детройтском музее? – спросил Вольф.

Зорг, уже расправившийся с печенкой, зевнул и вытянул свой длинный, заканчивающийся жалом скорпиона хвост. Узрев его, спаниель тут же спрятался за ногами своей хозяйки. Подобные шавки, конечно, любят потявкать, но кончеными идиотами их назвать нельзя.

Вагнер расплатился и приказал кельнеру вызвать фиакр...

После того как фиакр тронулся, Сузи показала на оставшееся за спиной здание и спросила:

– Что это за дом?

– Его построили еще во времена Гитлера... Министерство контрабанды, названное для конспирации Управой Воеводства.

Ясное дело, никакого воеводства уже давно не было, а в подземельях его сидели химики, посвященные в тайны производства современного амфетамина X-12. Это приносило огромную выгоду. Их работа оплачивала большую часть расходов Речи Посполитой.

Дорога свернула вправо. Солдаты в тропических шлемах, охраняющие городских чиновников, при виде майора взяли оружие на караул. Потом фиакр выехал на набережную Выспанского. Имперский стиль городской архитектуры сменили роскошные виллы, буквально затопленные зеленью высоких пальм. Огромные лопасти Монастырского острова теперь оказались ближе, и ветер от них был сильнее. Сью Кристи-Андерсон с любопытством оглядывала окрестности.

«Довести ее до слез», – припомнился Вагнеру приказ генерала Барилы.

Ну, сделать это не трудно. Очень легко, и ждать осталось недолго. Вот только – зачем?

Они еще раз свернули возле Зала народных собраний и выехали на улицу Мицкевича. Сью первый раз в жизни увидела настоящий парк и не успела удивиться сотням видов деревьев, как фиакр остановился перед небольшой, укрытой в зелени виллой. Вагнер заплатил вознице

сумму, равную паре миллионов долларов. Госпожа полковник покинула фиакр, едва держась на ногах. Однако главное было еще впереди.

Бедная задница...

Стоило Вагнеру открыть калитку, как Анна, его жена, выбежала на порог.

– Анджей! – Она бросилась ему в объятия. – Все в порядке? Ничего не случилось? Вы удачно миновали пустыню?

Он не успел ответить. Анна уже здоровалась с американкой, потом поцеловала Зорга.

– Приветствую тебя, кот. Охранял моего мужа?

Гепард лизнул ее в лицо.

– Ну, проходите, проходите. Перекусите с дороги? Может быть, устроим в огороде гриль?

Хозяйка провела их в гостиную с большим панорамным светоотражающим стеклом. В следующие несколько секунд она успела отругать распалившегося и разбившего вазу ребенка, подать выпивку и распечь служанку. Потом сходила на кухню и вернулась с широкой улыбкой на лице. В руках у нее было блюдо с маленькими бутербродиками.

– Прошу садиться, – щебетала она. – Зорг? Хочешь немного сырого мяса?

Они еще только устраивались в креслах, а она уже успела похвалиться перед негритянкой заработком мужа, великолепным здоровьем ребенка, тем, что у нее в гараже стоит настоящий конь, а также двумя спальнями на втором этаже, отделанными в арабском стиле. Единственное, чего она не сделала, так это не открыла шкаф и не продемонстрировала свои наряды, но зато решила выстрелить из главного калибра. Преисполненная гордости, принесла их семейную книжку и показала первую страницу с огромной печатью и текстом, подтверждающим, что супруги имеют первый класс чистоты и в связи с этим правительство дает им разрешение иметь детей. Ниже была еще одна печать с записью: «Одно разрешение использовано».

– Вы знаете, – сказала Анна, усаживаясь напротив Сью, у которой кусок бутерброда едва не застрял в горле. – На пять детей мы никогда не решимся. Однако следующего ребенка планируем. А если мужа в будущем году повысят, то, может быть, решимся и еще на одного. Я здорова и могу рожать. А вы? Есть у вас дети? Сколько? Какие?

Кристи-Андерсон все-таки подавилась бутербродом и закашлялась, да так, что крепко закрыла глаза.

«Выжать из нее слезы», – вспомнил Вагнер приказ Барилы. Боже, как это просто. Самое легкое задание, полученное им в жизни. Знать бы, в чем игра?

Анна показывала фотографии ребенка: сокровище в предшколе, чудовище на маскараде (определить, кем он является на фотографии, было нелегко, поскольку чадо вырядилось мутантом и надо было показывать пальцем, где оно находится), а вот мальчик (поддерживаемый воспитательницей), возлагающий в государственный праздник букет цветов к памятнику Пану Яну, Воскресителю Польши. Полковник морской пехоты сумела даже разобрать надпись на цоколе памятника: «Путник, поведай Польше, что сделал я это для своего народа. Вы должны жить любой ценой!»

– Ну, чем займемся? Устроим гриль в саду? Зорг, ты хочешь?

– То-о-о-олькхо-о-о мне не суй мхххххя, Анкххха! – промурлыкал гепард. – Не йййем жар-р-реного...

Служанка приготовила все в мгновение ока. Они уселись на плетеные стулья под огромной пальмой. Вагнер занялся приправами и очагом. Пили водку с мартини. Анна упорно чесала языком, доводя негритянку до остервенения. Боже! Самый легкий приказ в жизни. Пять минут в обществе Анны.

Вагнер снял пробковый шлем и при помощи пластикового снаряжения влез на пальму. Там он мачете срезал кокосовый орех. Анна приказала служанке вскрыть его и подать негритянке. Боже! Кокосовое молоко. «Довести до слез». Сэр! Шоколадка всхлипнула. Нет проблем. Только для чего?

Для полного улета американскому агенту потребовалось не так много. Даже без помощи амфетамина X-12. Немного погодя Анна подала стейки из свиного ошейка. До этого был салат и немецкий коктейль: вино, водка, пиво. У Шоколадки голова пошла кругом уже после первого глотка. В гостиной заплакал ребенок, и Анна пошла его покормить. Оказалось, что на авто-страде Сью даже не стала пробовать эскалопы, поскольку поверила идиотскому слуху, будто они из человечины. Наверняка она ела свинину первый раз в жизни. Лицо у нее было не очень довольное, поскольку синтетическая пища испортила находившиеся у нее на языке сосочки, лишив их возможности различать необходимые оттенки вкуса, однако она все еще усиленно моргала, стараясь избавиться от проклятых, привязавшихся к ней слез. Зорг, нажравшийся от пуза, свернулся в клубок на траве и вознамерился поспать. Домашняя такса попыталась ему докучать и даже схватила поручика за ухо, но враз образумилась и удрала, стоило Зоргу сонно зевнуть, демонстрируя свои добавочные, выдвигающиеся из-за клыков зубы.

Вагнер взял в баре бутылку коньяка, два больших бокала и провел Зою в Верхний парк. Она смотрела на стройные ряды деревьев и глотала слезы. Вагнер же решил ее дожать. Он всегда очень тщательно выполнял приказы.

Они шли мимо хихикающих в наступающем сумраке пар, отгоняли белок, пытавшихся выпрашивать орехи, зайцев и кроликов, так и норовивших сунуться им под ноги. Потом они оказались возле ровной, как стрела, дозорной башни девятнадцатого столетия. По узким, вытертым ступеням они поднялись на площадку под крышей. Вагнер уселся, опершись о стену и поставив ноги на барьер. Тут, над вершинами деревьев, ветер от лопастей Монастырского острова был еще сильнее. Солнце заходило, и по стеклянному куполу играли отблески. Ниже простиралось море зелени, виднелись крыши резиденций влиятельных людей и главных контрабандистов. Где-то внизу трещал конный трамвай, экипажи лавировали между стволами деревьев на улице Пана Яна. Зажигали первые лампы и газовые фонари. Люди располагались на лужайках целыми семьями, чтобы поужинать, женщины степенно распаковывали корзинки с едой. В парке открывались павильоны вечерних ресторанчиков.

Вагнер наполнил бокалы коньяком. Сью осушила свой одним глотком. Она уже плакала в открытую.

– Знаешь, – глотала она слезы. – Ваш ребенок... знаешь... у меня шестой класс чистоты.

– Что тебе сделали? – спросил он.

– Меня стерилизовали.

– Как это? Женщин невозможно стерилизовать!

– Можно, – сказала она. – У меня шестой класс. Фактически я почти мутант. – Тут она уже зарыдала.

Сью вытерла слезы руками, высморкалась. Он подал ей платок.

– Твоя жена... – продолжила она. – В таком красивом платье. Служанка, ребенок, салат, возделывание огорода. Она занимается этим. Я же умею только с завязанными глазами разбирать и собирать автоматический карабин. Знаю, как командовать группой усмирения, как организовать огневую поддержку батальона, оказавшегося в окружении. Боже! Я не умею делать салат и никогда не носила платьев. Никогда у меня не будет ребенка...

Вагнер налил ей еще порцию коньяка.

Интересно, какие виды на нее имеет Барила?

Она снова выпила содержимое большого бокала одним глотком.

– Никогда у меня не будет маленькой собачки. – Сью забрала у него бутылку и сделала несколько глотков из горлышка. – И никогда мне не жить среди деревьев.

Вагнер испугался, что переборщил. Искренне надеясь, что его спутница не попытается броситься с этой проклятой башни вниз, он помог ей подняться и спуститься вниз. Поддерживая под руку пьяную в хлам женщину, он довел ее до дома. К счастью, Анна знала, что делать

в таких ситуациях. Она раздела госпожу полковника, умыла, надела на нее кружевную ночную рубашку и уложила в одной из спален, обставленных в арабском стиле.

Утром Сью выглядела лучше. Вагнер прихватил ее на том, как она разглядывала себя в зеркале, поправляя смявшиеся кружева. Половину ночи она провела в туалете, однако у нее хватило сил умыться и сесть за завтрак уже в мундире. Увидев ее, поручик Зорг почесал задней лапой за ухом. Наверняка он заключил пари с Анной о том, что госпожа полковник либо пойдет на риск повторить ночные подвиги, либо откажется от гренок и странно пахнущего напитка, который – как ей объяснили – называется «чай»...

Потом Зорг и Анна с интересом следили за тем, как Зося грызет гренки, с выражением лица типа «В Перл-Харборе было тоже несладко...» Вагнера сильно интересовало, кто из них выиграл, но спросить об этом при гостье он не мог. Служанка помогла хозяину запрячь изящную двуколку. На то, чтобы усадить в нее госпожу полковника и поручика, ушло всего несколько минут. Тут Кристи-Андерсон закрыла глаза солнечными очками, и теперь он не мог проследить направление ее взгляда. Щелкая кнутом, Вагнер погнал коня. В это время движение на улице уже нарастало, но им повезло, и они доехали до Грюнвальдского моста быстро. А за ним было уже рукой подать до конюшен Министерства контрабан... тьфу... Управы Воеводства.

Вагнер оставил свой экипаж на бравых конюших и повел гостью мимо огромных колонн, а потом оставшимися еще от фашистов широкими, вселявшими почтение к власти коридорами. В вестибюле царила приятная прохлада. Сандалии громко шлепали по гранитным плитам. Потом был контроль, беглый обыск, после чего адъютант доложил генералу о визитерах. Сью сняла черные очки только на пороге кабинета.

Генерал Барила отвернулся от окна с видом на Одер и Монастырский остров. При этом движении ему каким-то чудом удалось не оборвать ни одной пуговицы с мундира, плотно обтягивающего его чудовищной величины брюхо. Он даже подошел к гостям, проворно переставляя короткие, кривые ноги, и протянул руку. Пальцы его напоминали сардельки, поросшие редким волосом. Причем, несмотря на такой вид, мутантом он не являлся. У него был первый класс генетической чистоты. Он имел жену и пятерых детей.

– Приветствую вас, госпожа полковник, – просипел он. – Я очень рад видеть вас живой и здоровой.

– Мне тоже очень приятно, пан генерал.

– О... вы великолепно говорите по-польски.

Она усмехнулась.

– Я наполовину полька.

– Ага, а Кристи в вашей фамилии от англизированного Кисыцак?

– Нет. Андерсон от Анджеевская.

Барила усмехнулся в свою очередь. Показал им на кресла.

– Я знаю, что майор Вагнер любит коньяк, однако мне хотелось бы угостить вас чем-то произведенным у нас. Это местная продукция. – Он продемонстрировал им граненую бутылку.

– Местная продукция? – Негритянка решила слегка показать зубы. – Неужели амфетамин X-12?

Генерал рассмеялся. Вопреки своему виду, он был человеком очень умным и ценил ум в других людях.

– Мне кажется, в данный момент стоит забыть о пикировке. – Он наполнил маленькие рюмочки. – Пока же я вам предлагаю чистую водку.

– Ваше здоровье! – Сью выпила, демонстрируя знание польских обычаев.

– Вас все лучше учат в этом вашем ЦРУ. – Барила с трудом разместился в кресле, стоявшем за огромным столом.

– Что вы сказали?

– Ну, нет... агент, у которого имеются проблемы со слухом. Так не бывает.

– Вы сказали – ЦРУ.

Дымчатое стекло купола над городом вспыхнуло ярким светом, и он, пройдя через жалюзи, расчертил лицо генерала густыми тенями. Атмосфера кабинета казалась сонной, словно не до конца реальной.

– Конечно. Хотя вы наверняка прошли обучение у морских пехотинцев. Никогда не забываете о прикрытии, но на самом деле вы не полковник. Ведь правда?

– Не понимаю вас, генерал.

Барила тяжело вздохнул и выпятил толстые губы.

– Я сказал, что вы агент ЦРУ. Ваш шеф – Терри Робинсон. Вы занимаете тринадцатый кабинет шестого отдела в бункере Лэнгли. Кроме того, что ваш отец пан Анджеевский, вы к тому же интенсивно учили польский язык в течение года в отделе криптографии в Детройте. Вами занимались шесть учителей, в том числе двое поляков – пани Врублевская и пан Мартыняк... Я должен рассказывать дальше?

Негритянка прикусила губу.

– Вы совершили ряд федеральных преступлений, – сообщил генерал. – Вы полизали траву в Народном парке бункера Детройт. Хотя... тоже мне парк. – Он пожал плечами. – Десять метров на десять. К тому же вы дали себя сфотографировать. Ну и также есть меньшие провинности, вроде небольшого бизнеса по продаже дури коллегам. На вас было заведено дело, но тут подвернулась данная миссия и все как-то устроилось. Не так ли?

– Я хочу видеть консула Соединенных Штатов Северной Америки!

Она сказала это быстрее, чем следовало. Показала, что ее удалось вывести из равновесия.

Барила смеялся так, что чудовищное брюхо ходило ходуном. Однако портной генерала, видимо, был специалистом высшего класса, поскольку опять каким-то чудом все пуговицы остались на месте.

– Прошу прощения... Вы, конечно, удивитесь, но во Вроцлаве нет вашего официального консула. Есть почетный. Он даже раз в полгода получает какую-то почту. Ничто не связывает наши народы со времени бомбы Чен, но мы все-таки держим вашего консула. Может, чтобы показывать в зоопарке, но он все-таки есть. Есть! Прошу. – Барила добродушно помахал рукой. – Вызвать его?

Теперь дыхание американки участилось. Она явно испугалась по-настоящему.

– И что вы можете предпринять? – продолжал Барила. – Бросить нам на голову атомную бомбу? Мне кажется, без электричества вам будет трудно это сделать. А может, армия США нападет на Вроцлав? Хм-м-м... У вас хватит кораблей, чтобы перевезти ее через океан? – Он наклонился над полированной крышкой стола. – И еще прошу мне объяснить, поможет ли вам консул, когда вас будут разрывать на части конями на Рынке.

Американка посерела от страха. Ладони ее вцепились в подлокотники кресла. Зорг тоже это увидел и шевельнул ушами. Причем, как и Вагнер, он заметил и нечто иное.

– Вы до сих пор не решили, каким образом меня уничтожить, – сказал Барила, который тоже был хорошим наблюдателем.

Открыв дверцу в тумбе стола, он выпустил двух персидских котов. Те вспрыгнули на столешницу и принялись по ней расхаживать.

– У вас две возможности. Вы можете выпустить гремучую змею из сумочки... но это дурацкая мысль. Коты расправятся с ней в несколько секунд. Еще вы можете использовать свой маленький скорострельный пистолет, не обнаруженный при проверке. Вот только вы запрятали его слишком далеко, и пока достанете, поручик успеет раз шесть вонзить в вашу шею ядовитые клыки.

Отсмеявшись, он обратился к гепарду:

– Зорг, долго умирает человек, укушенный тобой?

– Долгхххо...

Вагнер знал, что поручик говорит правду. Яд был парализующим и обездвигивал моментально. Однако содержащиеся в нем токсины действовали очень медленно. Мутанты, к примеру, умирали от него часа два-три, в неподвижности, страшно мучаясь.

– Вы сами снабдили нас данной технологией, – отметил Барила. – После того, как придумали гремучих змей, менее удачные модели, всех этих котов, птиц, тигров и гепардов, вы продали слаборазвитым народам. Змею труднее обнаружить с помощью инфракрасных лучей, чем кота. Но вот когда не стало электричества, оказалось, что змеи не идут ни в какое сравнение с бичом божьим, которым стали наши гепарды.

– Откуда вы все это узнали? – Негритянка все еще пыталась руководствоваться логикой. – У вас есть агенты в США?

– А зачем? – Барила покачал головой. – Ничего нас не связывает. На бумаге мы являемся союзниками, однако сами видите... Вы слишком далеко, чтобы нас интересовать.

– Тогда кто? Арабы?

– Бедуины, дорогая пани. Прошу не путать эти две нации.

– Они следят и за нами? Зачем?

– Какие-то промышленные интересы. – Генерал пожал плечами. – А у меня хватает денег покупать у них что пожелаю. – Он погладил одного из персидских котов. Тот выгнул спину и замурлыкал. – Пару сотен лет назад я наверняка был бы самым лучшим клиентом в любом супермаркете, поскольку могу позволить себе купить все, что только пожелаю.

– Арабы... Значит, бедуины разузнали все о моей миссии?

Барила взмахнул рукой.

– «Все». – Он потянулся, как кот, которого только что гладил. – Вы и сами не знаете всего о своей миссии. И никто на свете не узнает всех тайн бункера в Лэнгли. В общем-то, это и не нужно.

– Тогда зачем вы со мной разговариваете?

– Надеюсь, вы мне очень красиво пропоете то, о чем знаете.

– Генерал, прошу на это не надеяться.

Сказано это было слишком быстро. А еще присутствующие обратили внимание, что американка вновь сжала ладонями подлокотники кресла.

– Пани Анджеевская... – улыбнулся Барила. – Прошу не делать глупостей. Вы мне расскажете все.

– А если нет, то... вы разорвете меня конями на Рынке? А может, посадите на кол? Изучите?

Она старалась держаться твердо, но это у нее получалось плохо. Выдавал выступивший на лице пот. Похоже, Сью слишком уж реально вообразила себе то, о чем говорила.

– Пани Анджеевская. – Барила с добродушным видом наполнил ее рюмочку водкой. – Не надо говорить глупостей. Сразу и на кол! Или еще что хуже... – Он пожал плечами. – Так вы поступаете у себя в Америке? К счастью, мы находимся в Польше. Договоримся по-доброму, под водочку.

– Никогда мы не договоримся!

– Ох, в самом деле? А десять контейнеров, которые вам предписано уничтожить? Что? Мелочь?

– Откуда вы об этом узнали? – Сью вскочила, ей не хватало воздуха. Похоже, об этом, кроме нее, мог знать только президент США.

Барила тепло улыбнулся.

– Так, так... Президент США, Джон Торрес де Фуэнгиrolа тоже обладает своими слабостями. Впрочем, я всего лишь шучу... – Генерал выпил свою рюмочку и жестом пригласил американку последовать его примеру. – Президент для меня находится слишком высоко. Зачем

это нужно? Я покупаю весьма точную информацию, однако на более низком уровне и поэтому значительно дешевле.

– Что вам известно о моей миссии? – спросила негритянка.

– Пани Анджеевская, я расскажу вам даже то, о чем вы не имеете понятия, а взамен попрошу только об одном. Назовите мне дату.

– Никогда!

– Хе, хе... Как я уж сказал, здесь Польша. Договоримся за водочкой. – Он снова наполнил рюмки.

– Никогда в жизни, навоза кусок!

– Хе, хе... У меня есть пара мутантов, Вагнер поймал их в прошлом году. Они обладают неким талантом, благодаря которому мы все узнаем и без пыток.

– Использовать мутантов незаконно.

– Ну так бросьте мне на голову атомную бомбу. – Генерал наклонился над столом и ухмыльнулся. – Что? Не получится?

– Господин генерал...

– Молчи и слушай. Это была присказка, – просипел Барила. – А теперь настает время для сказки.

Он опустошил свою рюмку, закусил консервированным огурцом и вытер рот.

– Слушай меня, Зося. Ничего тебе на закуску не предлагаю, поскольку знаю, что тебе сейчас не до еды, но пару фактов, о которых ты не имеешь понятия, выдам. Твой президент, мистер Джон Торрес де Фуэнгиrolа, знает нечто, о чем никто иной не имеет понятия. Ну, может, за исключением нескольких инженеришек в Шаен Маунти, из которых, кстати, один очень задолжал бедуинам, поскольку злоупотреблял. Впрочем, это мелочи... Было так. Во время последней войны вы устроили китайцам кровавую баню под Пекином, а они за это сбросили на вас бомбу Чен. И все электричество в мире закончилось. Трах-бах – и конец. Единственным источником света в бункерах стали факелы, а лампочки ушли в прошлое. Однако... как выяснилось некоторое время спустя, вы, американцы, не были так уж глупы и ведали о ченах. Еще вы знали, что вам не удастся быстро вышибить китайцев с игрового поля. Кому-то из ваших даже пришлось в голову, что вся цивилизация может вернуться в эпоху пара. На этот случай у вас было кое-что припасено. Вы подготовились, предполагая, что если китайцы одержат верх...

– О чем вы говорите?

– О проекте Квин.

– О чем?

– О проекте Квин. О машине времени.

– Боже... – негритянка покачала головой. – Мне кажется, это сон.

– Не ведаю, что вам мерещится. – Барила вынул сигарету из стоявшей на столе деревянной шкатулки. Прикурил он от красивой бензиновой зажигалки русской работы. – Ваши инженеры рассуждали так: если не удастся выиграть у китайцев и они применят свое страшное оружие, то во всем мире исчезнет электричество. Изоляторы превратятся в проводники и... и кирдык нашей любимой цивилизации. Конец глобализации, убийствам на расстоянии, тотальному оболваниванию... Конец бирж и телефонов. Даже такая среднестатистическая американка, как ты, не сможет зайти в магазин и купить себе какую-нибудь чепуху. И что? Вы создали последнюю защиту. Вы придумали машину времени.

– Генерал, вы бредите.

– А если нет? Послушай меня, Зося. Так было. У вас есть машина времени. Ну и что с того? Если желтенькие выпустят чены, то машина станет бесполезна. Что в таком положении можно сделать? Ну? И тут, моя дорогая, во всей красе проявляет гений американских инженеров. Нельзя использовать машину на Земле? Значит, нужно выслать ее в космос. Нет возможности ею управлять с Земли? Нет проблем... Она должна действовать сама по себе. Как

это можно использовать? Да очень просто. Машина улетела к Сатурну и должна, вернувшись через несколько десятков лет, перенести всю планету во времени. Может быть, на пару веков, может, на пару тысячелетий. Цивилизация получит еще один шанс, но что это даст авторам проекта? А если история повторится? Опять будет война, желтые снова применят свою бомбу, и петля времени замкнется... Зачем это нужно? Лучше всего было бы перенестись во времени, однако таким образом, чтобы сохранить память о будущем, чтобы захватить с собой некоторую часть его технологий. Как это сделать? Да очень просто. И вновь американские инженеры показали себя гениями. Выглядит это так: проходит какое-то количество лет, машина времени возвращается с орбиты Сатурна и переносит Землю во времени. Однако для этого требуется такое количество энергии, какое никто не сможет выработать. Поэтому нашу планету «вернут» всего лишь на наносекунду. Мы прыгнем, скажем, на тысячу лет назад и мгновенно вернемся обратно. Напоминаю, я говорю о наносекунде. К чему это приведет? Люди, оказавшиеся в пределах действия эмиттеров Вогта, останутся в том времени, куда будут перенесены. Люди и механизмы. В общем, получается, что если вы выиграете, то через наносекунду целыми и невредимыми вернетесь в свое время. Никто ничего не заметит. А вот если проиграете... В таком случае группа подготовленных людей и некоторое количество техники окажутся в пределах действия эмиттеров Вогта и... перенесутся, например, в тысяча восьмисотый год. Я точно не знаю, в какой именно, поскольку тут сработает случай, но просто прошу все это вообразить. Президент США, с семьей, со штабом, с парой сотен солдат, с этими нашими проклятыми знаниями, с иммунитетом к классическим болезням, со скорострельным оружием, с суперпушками, с компьютерами, энциклопедиями, с современной химией и паровыми машинами, неожиданно появляется в тысяча восьмисотом году. Во времени Наполеона Бонапарта... Сколько ему понадобится, чтобы захватить власть над миром? Год? А может, хватит трех дней? И история изменится. Можно сделать все, что душе угодно...

– Из ваших слов получается... эти эмиттеры... они должны быть на Земле. Почему они не перестали работать?

– Вот видишь, Зося. – Барила слегка улыбнулся. – Ты уже мне поверила. – Он затянулся сигаретным дымом. – Все очень просто. Эмиттеры были заранее заплавлены в стекло, и последствия взрыва китайской бомбы им не страшны. Машина времени перенесет их во времена, когда никто не мог даже представить чены. В то время, когда родился Иисус Христос? Может немного раньше? Или позднее? В любом случае там можно будет пользоваться электричеством. Нужно только оказаться рядом с эмиттерами, когда запущенный к Сатурну корабль вновь вернется на орбиту нашей планеты. Кто окажется в пределах действия эмиттеров в момент реализации проекта Квин, прыгнет в прошлое на пару сотен, а может, и тысяч лет... и этого окажется достаточно, чтобы, используя современные знания, изменить историю Земли как угодно.

– Как же... Какой толк от испорченного в наше время оборудования?

– Ох, Зося... Если кто-то сумел закинуть машину времени на орбиту, то он позаботился и обо всем остальном. В Шайен Маунти у вас есть несколько тысяч заплавленных в стекло контейнеров с исправными компьютерами и прочей электроникой, в рабочем состоянии.

– А-а-а... – Негритянка взяла свою рюмку и сделала глоток. – А какое это все имеет отношение к вам?

– Ну, видишь ли. – Генерал тоже выпил водки и закусил. – У вас есть несколько тысяч контейнеров. У меня он один, привезенный из Берлина, но мне этого хватит. Мы, в отличие от вас, не страдаем гигантоманией.

– Что?

– Для времен Наполеона Бонапарта вполне хватит нескольких сотен людей и наших знаний. Однако вы желали получить все. Прежде всего армию. И... разослали контейнеры по всем вашим базам, и... к сожалению, добавили к ним и эмиттеры Вогта.

– Те десять объектов, которые я должна была уничтожить?

– Да. Это эмиттеры Вогта с вашей старой базы в Италии. Я приказал бедуинам перевезти их сюда...

– Господи. Я и представить не могла, что президент поручит мне невыполнимое задание.

– Тем не менее. – Барила радостно улыбнулся. – Понимаешь, Зося... Ваш президент для меня действительно слишком большая птица. Он, конечно, имеет свои небольшие слабости, но даже бедуины не смогли добыть информацию, которой владеет только он. Он один... во всем мире.

– Какую именно?

– Видишь ли, милая Шоколадка, настоящая проблема у меня только одна. У меня есть контейнер, я приказал привезти эмиттеры Вогта, однако... у меня нет ни малейшего представления, когда заработает машина времени. И никто, кроме твоего президента, этого не знает. Тогда я через моих любимых бедуинов дал ему понять, что у меня есть контейнер и эмиттеры. Я хотел, чтобы он запаниковал и прислал кого-нибудь, такого как ты, с заданием уничтожить эмиттеры. С поясом, набитым американским золотом, с гремучей змеей в сумочке и очень хорошо спрятанным пистолетом. Я решил, что узнаю время начала действия проекта Квин от тебя.

– Господин генерал, вы наивный человек.

– Ох, в самом деле?

– Конечно. С чего вы решили, будто кто-то сообщит мне дату, если мне даже не рассказали в чем состоит проект Квин! Я слышала о нем только от вас.

Махнув рукой, словно что-то отталкивая, Барила сказал:

– Шоколадка, я не ребенок. Твой президент, кстати, тоже не дурак. И конечно, он ничего тебе не сказал... – Генерал вздохнул. – Кроме даты возвращения.

– Вы шутите?

– Нет, котенок. Миссия твоя не была такой уж трудной, поскольку требуется всего лишь разбить стекло на одном из аккумуляторов и мой план рухнет. И более ничего тебе не объяснили, кроме одного. Тебе сказали... конечный срок исполнения миссии. Я прав? Тебе назвали дату, после которой исполнение твоей миссии потеряет смысл, после которой тебе надлежит исчезнуть, моя красивая негритянская Бемби. – Барила наклонился над столом и просипел: – А я хочу эту дату знать.

Американка стала кусать губы. И Вагнер, с увлечением наблюдающий за тем, как разворачиваются события, и Зорг, не слишком внимательно за ними следивший, оба поняли: генерал ее подловил. Знает госпожа полковник дату, знает. И сейчас ее пропоет, никуда не денется.

– Ничего вы от меня не услышите! – Негритянка вдруг схватила сумку с гремучей змеей. У котов встала дыбом шерсть. Зорг вскочил с дивана и обнажил ядовитые зубы, Вагнер сжал рукоять спрятанного в рукаве стилета. – Я американка и ничего вам не скажу. Даже если вы посадите меня на кол!

Барила добродушно улыбнулся.

– Это опять была только присказка, а вот теперь будет действительно сама сказка, дорогая полуполька, сестра моя. – Он открыл ящик и вынул из него пачку пожелтевших листков. – Вот тут у меня список содержимого контейнера, привезенного из Берлина. – Его толстые пальцы стали перелистывать страницы. – Вот, прошу... медицинский компьютер со всем необходимым. Прекрасная технология прошлого века. Ну и что, Зося? Как только мы окажемся там, где нет ченов, тебя можно будет вылечить. Через пять минут, вместо шестой категории генетической чистоты, будешь иметь первую. И запросто сможешь себе родить прекрасного малыша. Красивенькую маленькую Шоколадку.

– Нет. Мне сделали операцию, после которой это невозможно.

– Не спорь, Зося! Мы это исправим в пять минут, как только окажемся в другом времени. – Он показал на пачку листов. – Представь себе... У тебя будет ребенок. Два, три, даже десять. Сколько выдержишь. Ты будешь жить среди деревьев. В мире без климатических катаклизмов, без мутантов. Ты будешь богатой, здоровой, будешь обладать властью... Подумай, Зося. Ты станешь настоящим полковником нашего войска. Будешь участвовать в завоевании мира. Ну и дети... Ты знаешь, каково это, когда женщина кормит ребенка грудью? – искушал он. – Не знаешь, но воображала себе много раз, во время бессонных ночей в Лэнгли, не так ли? Вагнер, наверное, что-нибудь мог бы тебе об этом рассказать, но он мужчина и не понимает женщин. Поговори лучше с его женой. Спроси ее, какое это удовольствие, когда собираешь ребенка в предшколу. Разве плохо возиться с грилем в саду? И ты откажешься от красоты, власти, счастья – ради удовольствия собирать и разбирать скорострельный карабин с завязанными глазами? Подумай, Зося. Подожди, не торопись. Подумай еще о том, что тебе дали твои любимые Штаты. Они лишили тебя возможности рожать детей, а теперь, после того как срывает машина времени, ты исчезнешь. Не будет войны, не будет бомбы Чен, не будет и тебя, моя красивая Сью Кристи-Андерсон. Ты просто не появишься на свет, исчезнешь, так же, как и весь наш мир.

Барила щелкнул пальцами. Возникший как из-под земли адъютант отодвинул честь стены, показывая клетку с двумя мутантами.

– Выбирай, дорогая, – прошептал генерал. – Или они, – он показал пальцем на уродливые лица своих специалистов по дознанию, – или я. И богатство, власть, беременность, любящий муж, еда, о которой ты до сих пор не имела понятия, первый класс чистоты, деревья вокруг, великолепный климат... Думай, котеночек, думай!

Негритянка заплакала. Вагнер отвел взгляд. Барила, наоборот, буквально впился в женщину глазами.

– Мне нужно выйти, – шепнула американка.

– Делай все на стул... Ты отсюда не выйдешь.

– Но мне нужно.

– Ничего страшного. Сначала скажи.

– Господи...

– Ну так что? – Барила снова наполнил рюмку и поставил перед ней поднос, на котором были бутерброды с российской икрой. – Уже надумала?

Американка зарыдала, по подбородку у нее потекли слезы. Тогда Барила стал выкладывать перед ней фотографии своих детей. Одну за другой доставал и подносил к ее глазам.

– Семнадцатого октября, – неожиданно крикнула негритянка. – Семнадцатого октября!!! – Она прокричала это так, что, казалось, еще немного, и у нее лопнут голосовые связки.

Засмеявшись, Барила повторил за ней:

– Семнадцатого октября... У ваших инженеров есть чувство юмора.

Он взглянул на мутантов, и те кивком подтвердили, что женщина сказала правду.

Тогда Барила ткнул в сторону клетки пальцем и приказал адъютанту:

– Застрели их. Больше они нам не пригодятся.

После этого он повернулся к Вагнеру.

– Отдаю Зося под твою опеку. – Генерал зевнул. – Ладно, она едет с нами. Позаботься, озолоти и проводи, куда она желает. Шестнадцатого октября сбор на Грюнвальдской площади. Я хочу увидеть там весь твой отряд, жен, детей и что ты там пожелаешь забрать с собой в дорогу сквозь тысячелетия... Господа, – он внимательно посмотрел на Вагнера и Зорга, – на сегодня все. До свидания.

Тотчас после того, как они вышли, из кабинета послышались два выстрела из полуавтоматического пистолета адъютанта Барилы.

Шестнадцатого октября все было готово. Отряд наемников – люди, гепарды, птицы и тигры – сидели в машинах, расставленных на Грюнвальдской площади. Еще в пределах действия эмиттеров Вогта стояло шестьдесят грузовиков Барилы. Анна Вагнер беседовала со Сью, однако было заметно, что она нервничает. На пани Вагнер была короткая рубашка и шорты, плечи ей оттягивал рюкзак с прорезанными дырами, так что у сидевшего в нем ребенка ноги были на свободе. На шее у Анны висел пистолет-пулемет. Впрочем, макияж у нее на лице, расчерченном пустынной маскировкой, был наложен весьма тщательно – ресницы, брови, румяна на щеках, губная помада, блески. Домохозяйка была готова к любой неожиданности: либо вступить в бой, либо принять участие в бале при дворе короля Навуходоносора. Ее служанка выглядела еще живописнее. У той было два рюкзака – один сзади, другой спереди. Однако, судя по тому, как она легко двигалась, в рюкзаках, скорее всего, лежали тряпки ее хозяйки. На плечах у женщины висело два карабина «хенклера-коха», а в кобуре на бедре прятался сорок пятого калибра «смит-вессон». Еще она запаслась стилетом, ножом сапера, лопаткой, большим пробковым шлемом и чадрой камуфляжной раскраски. В общем, обе дамы смотрелись полными идиотками.

Хотя все остальные выглядели не лучше. Марта держала граммофон с огромной трубой, а Долгоруков захватил с собой всех трех арабских любовниц. Головы их торчали из грузового люка бронемшины.

Барила не обращал на это внимания. Он подошел, проворно передвигая короткие толстые ноги, и с врожденным изяществом отдал честь Анне.

– Анджей, – сказал он, глядя так, что каждый, его хорошо знавший, увидев этот взгляд, должен был затрепетать от страха. – Знаешь, для чего я взял с собой именно тебя? На мой взгляд, ты самый исполнительный офицер нашей твердыни. Не обмани меня, негодяй. Иначе...

Вагнер отдал честь по всей форме, а мгновением позже уже командовал, не щадя головных связок:

– Иван! Хайнс! Зорг! Хватайте солдат как можно жестче и держите дисциплину. Чтобы у меня тут никто без приказа не смел даже моргнуть!

Поручики взялись за своих подчиненных. Войско польское, старательно отобранное, состоящее из людей со славянской внешностью, блондинов и блондинок с голубыми глазами, увидев наемников, страшно растерялось. Они и в самом деле до сих пор знали службу лишь по парадам... Юношей и девушек с пшеничными волосами пугал один вид Вагнера, а уж Зорг ввергал их в состояние шока. Поручик, мрачный словно туча, поскольку уже успел заработать два пинка от майора, кружил между солдатами, выискивая лишь повод сорвать на ком-то злость. От крика губы сержантов уже через четверть часа покрылись пеной. Капралы потихоньку молились, чтобы быстрее наступило утро. Солдаты прощались с жизнью. Звери пытались спрятаться в своих транспортерах. Хейни бегал, размахивая парабеллумом, Иван прохаживался со своей нагайкой... Оба то и дело получали от Вагнера нагоняи, и от этого их настроение еще ухудшалось. И все явственнее зрело ощущение, что наступил день Страшного суда.

Барила окинул свою команду добродушным взглядом, потом подошел к Вагнеру.

– Ты хорошо их муштруешь, – широко улыбаясь, похвалил генерал. – Нравится мне твой стиль работы...

Потом он посмотрел на отблески отражавшихся от фуллеренового купола последних лучей солнца. Его адъютант разложил на гусенице ближайшего бронетранспортера скатерть, украшенную ручной вышивкой. На нее он поставил два хрустальных бокала и наполнил их напитком из обернутой белой материей бутылки. Рядом поставил маленькие тарелочки с паприкой, посоленным луком, маринованными грибочками и небольшой котелок с сосисками.

– Будем здоровы! – Барила выпил свой первый бокал. – Ну, пей, Анджей! Не переживай, иначе начнутся проблемы со здоровьем.

Вагнер выпил свою порцию, закусил грибочком. Великолепный рыжик! Черт, такое бывает только у генералов.

Барила кивнул адъютанту, и тот снова подскочил с бутылкой.

– Ну и как? – Генерал взглянул на часы. – Скоро в путь.

– Интересно, куда?

– Хм... этого не знают даже американцы. – Генерал выпил еще один бокал и взял уже наколотую адъютантом на вилку сосиску. Вагнер сделал то же самое. – Для того чтобы перекинуть Землю во времени, необходимо столько энергии, что это должно произойти очень быстро. Эмиттеры не успеют точно настроиться. Где мы окажемся, зависит лишь от удачи.

– Юлий Цезарь? Динозавры? Времена Пана Яна?

– Вот это наихудший вариант. – Барила, несмотря на свой вид, был очень умен. – К счастью, вопреки общественному мнению, войны занимают небольшой отрезок времени существования человечества.

– Остается еще чума, фашизм, катаклизмы...

– Анджей, спокойно... Мы защищены почти от всех болезней. А если окажемся в 1942 году, то купить наши технологии пожелают даже гитлеровцы. За современную химию они продадутся нам с потрохами.

– Либо продадутся, либо посадят в Аушвиц.

– Не бойся, Анджей. У меня в контейнере есть индуктивный пояс и дематериализатор. Как только появится электрический ток, то все эти американские штучки снова заработают. Справимся и с Гитлером. Он еще будет нам зад вылизывать.

Вагнер выпил еще один бокал, закусил снова рыжиком в пикантной подливке.

– А если окажемся среди динозавров?

– Скверно. Тогда придется заново основывать цивилизацию.

– А если во время Гуситских войн?

Барила только покачал головой.

– Ну, тогда мы этих забавных рыцарей покосим из автоматов.

– И нам хватит патронов?

– Анджей... – Барила снова жестом приказал наполнить бокалы. – А как ты думаешь, что находится в этих грузовиках? Порох оружейный? Нет, там находится оборудование для производства всех нужным нам каждую минуту вещей. В любой ситуации. Я к этой миссии готовился долго.

– Ну хорошо. – Вагнер первым взял свой бокал. – А если мы окажемся в эпохе, когда уже существовала электроника, то из шестидесяти грузовиков нам пригодится лишь американский контейнер с оборудованием.

– Соображаешь, парень. – Барила тоже взял свой бокал. – Только, Анджей, ты меня недооценил. В этом случае мы используем план «Б».

– Что сделаем?

– Позволь ничего пока тебе не объяснять. Держи своих людей наготове. – Барила взглянул на часы и двинулся в сторону штабного транспортера. – Если Зося нас не обманула, мы можем отправиться в дорогу в любую минуту.

Вагнер пожал плечами.

Потом он устроил разнос своим офицерам. А те дали нагоняй людям и зверям. Далее они сидели на корточках возле гусениц, куря сигареты и украдкой попивая водку. Время тянулось немилосердно долго. Вокруг стояла темнота...

Вокруг стояла темнота. Если даже кто-то и заметил вспышку, порожденную закинутой американцами на орбиту планеты машиной времени, то все равно среагировать не успел. Наносекунда – это слишком мало для любой, даже самой быстрой реакции.

Что-то странное летело Вагнеру в лицо, и он, с криком отпрыгнув в сторону, посмотрел вверх.

А где купол? И летит... Да это же снег! Снег с дождем... кажется. Когда-то он об этом читал. А еще не было купола. Вагнер видел несколько знакомых домов, но вот остальные... А кроме этого... Кроме этого он видел фонари с... Иисус Христос, Иосиф и Мария... фонари с электрическим светом! Где они очутились? Грюнвальдская площадь казалась какой-то пустой. Наверняка это 1945 год, когда ее переделали в аэродром. Боже! Нет. Сейчас, сейчас... В 1945-м не было электрических фонарей, а в небе летали российские бомбардировщики. Спокойно. Фашисты не могли иметь натриевых фонарей. Вагнер это знал, поскольку прочитал все исторические книги в библиотеке. Спокойно.

Было очень холодно.

Катастрофа наступила мгновением позже. «Шкода фаворит», он узнал ее по тем же книгам, врезалась в одну из грузовых машин Барилы. Ну и грохот! Сзади в бронетранспортер въехала серебристая «вольво». А сбоку в очередную грузовую машину воткнулся «хундай»-автобус, и там было хуже всего, поскольку у пассажиров не оказалось ни надувающихся при ударе подушек, ни ремней безопасности. Все разбило себе физиономии. Неожиданное появление, а точнее – материализация посреди площади транспортеров и шестидесяти грузовиков, сбило с толку водителей двухсотлетней древности машин.

– Индукционный пояс! – кричал Барила со своего транспортера. – Индукционный пояс!

Вагнер приказал разбить стекло американского контейнера. Наемники пустили в ход топоры и сделали это моментально. Майор шелестел пожелтевшими листками описи содержимого контейнера. Очередной автомобиль врезался в сгоревший эмиттер Вогта. Кажется, это был «фиат»? Кто-то уже ругался на тротуаре, кто-то призывал на помощь полицию.

– Иисусе... Долгоруков, быстрее! Индукционный пояс. Нах обен по левой!⁵²

Иван сотворил чудо. Забравшись в контейнер, он уже через секунду нашел пояс, которого до этого никогда в жизни не видел. Наемники разложили диковину на мостовой, и та оказалась в порядке. Местные жители, оказывается, пересылали электрическую энергию под землей. Индукционный пояс тотчас же стал насыщать энергией аккумуляторы американских игрушек в контейнере.

Барила бежал к ним, проворно перебирая короткими ножками.

– Парализаторы, Вагнер! Парализаторы!

– Достать парализаторы! – приказал майор.

– Майн Готт! А как они выглядят? – спросила Марта.

Долгоруков был бесподобен. Он нашел требуемое в два счета.

– Где мы? – кричал Барила. – Это двадцатый век? Девятнадцатый?

Вагнер подскочил к ближайшему прохожему, выхватил из кобуры револьвер и хотел было выстрелить в воздух, но подумал, что это может не принести желаемого результата. Вдруг они не боятся огнестрельного оружия? А Зорг уже действовал. Он остановил какого-то пожилого мужчину в странном пальто, опершись ему лапами на плечи.

– Какой сегодня день? – спросил Вагнер.

– Д... д... двенадцатое ноября, – проблеял мужчина.

– Какого года?

– Две тысячи второго, – прошептал мужчина, шатаясь под тяжестью Зорга. – Это какой-то цирк? Вас задержит полиция, поскольку у зверя должен быть намордник.

– Двадцать первый век! Самое начало!

– Идеально попали, – пробормотал Барила. – План «Б»... План «Б»!

⁵² Он должен быть слева!

Сбоку подошла голая чешка-сигнальщица и одним своим видом привела прохожего в состояние невменяемости. В руке у нее был уже частично заряженный парализатор. Тщательно прицелившись, она нажала спуск, и у мужчины закатились глаза. Вдвоем с Вагнером они опустили его на заиндевший газон. К этому времени девушка так замерзла, что покрылась гусиной кожей и щелкала зубами.

– Что это? – оглядываясь, удивленно спросила она.

– Снег! Пся твоя мать!⁵³ – крикнул Вагнер. – Ноябрь.

Наклонившись, он посмотрел на часы парализованного прохожего. Те, к счастью, были классического образца, механические. Как обращаться с электронными, Вагнер не знал.

Итак, сейчас шестой час утра. Небольшое дорожное движение.

Послышался писк тормозов. В транспортер Барилы врезался огромный красный автобус. Его осатаневший водитель открыл дверцу и вывалился наружу.

– Идиоты! Кто вам позволил стоять здесь без огней?! – вопил он. – Полиция! Полиция!

Хейни парализовал его, потратив чуть-чуть энергии аппарата, проектировщики которого еще не родились. А вокруг уже собирались люди и пялились на машины, словно появившиеся из кошмара, на солдат, одетых в бурнусы и тюрбаны, в то время когда с неба сыпались дождь и снег. Где-то сбоку очень громко завывла сирена. Это была полицейская машина. Такая точно, как на картинках в старых книжках. На счастье, прежде чем стражи порядка успели вылезти, подскочил Хайнс с парализатором. Американские игрушки неплохо действовали, несмотря на столетний возраст и на то, что их заряжали не использовавшимся столько же лет войсковым индукционным поясом. После путешествия во времени... Технология, которая могла появиться только в будущем, действовала прекрасно и сейчас. Поскольку здесь еще никто не применил бомбу Чен.

Гоподи!

Марта вытащила из контейнера импульсную пушку и по слогам читала инструкцию. Голая чешка парализовала какого-то прохожего, сняла с него куртку и надела на себя. Ей все же приходилось все время притопывать ногами. К счастью, иммунитет на большую часть местных болезней действовал. А прохожие показывали на них пальцами. Многие вытащили из карманов нечто, очень похожее на переносные телефоны. Так, по крайней мере, решил Вагнер. Гадать, куда они звонят, желания у него не возникло.

– Всем рассыпаться, – приказал он, – рассыпаться! Действовать парализаторами!

Наемники приступили к исполнению. Некоторые зеваки, все еще продолжая что-то кричать в телефоны, бросились наутек. Что будет? Приедет полиция? Армия?

Барила оценил ситуацию примерно так же.

– Рассыпаться! – вопил он. – Раздать радиостанции из контейнера. Офицеры ведут свои группы в пункты концентрации.

Иван, Хейни и какой-то блондин из благородных стали ломать сургучные печати на конвертах с приказами, касающимися плана «Б». Приехали две новые, оснащенные немилосердно завывающими сиренами машины и санитарный фургон, однако Марта успокоила вновь прибывших с помощью импульсной пушки. Хорошее оружие для путешествующих во времени. Не вредит людям и не уничтожает машины.

Дрожа от холода, Вагнер проведаль жену в транспортере. Они вместе со служанкой напивали на себя все оказавшееся в рюкзаках, пытались укутать ребенка. Пробковых шлемов на дороге становилось все больше. Люди резали штыками одеяла, делая своеобразные пончо. Бурнусы и мундиры (тропическая форма № 31) помогали от холода слабо.

⁵³ Непереводимая игра слов.

Зорг подскочил в Вагнеру и промолвил, что неплохо было бы раздобыть план города. К счастью, майор догадался, как это сделать, и, подбежав к ближайшему киоску, очень вежливо, с трудом извлекая из памяти нужные слова, сказал:

– Я прошу дать план города.

– План? Четыре пятьдесят.

Промолвив это, девушка зевнула.

Он кинул ей золотую монету с великолепным изображением польского орла.

– Сдачи не нужно.

– Что такое? – Девушка с удивлением смотрела на номинал: сто тысяч польских злотых. –

Это вы шутите?

Вагнер вытащил из кошелька горсть золотых монет и кинул на доску, покрытую разноцветными надписями.

– Тебе. Дай мне план.

– Заберите свои дурацкие жетоны. Четыре пятьдесят. Могу дать подешевле, девяносто седьмого года, за три шестьдесят.

К счастью, майор был готов к любым неожиданностям и вынул из сумки нечто очень ценное. Настоящую свежую морковку. У нее даже был зеленый хвостик.

– Я отдам тебе это за план города, – предложил он. – Она настоящая. Потрогай...

Девушка взглянула на морковку.

– Психопат! Психопат! – закричала она и захлопнула окошко.

Вот тут нервы у Вагнера сдали, и он выхватил из кобуры револьвер. Разбив стволем стекло, полковник взял несколько карт, крепившихся к стеллажу резинкой. Тут девушка чем-то прыснула ему в лицо, и он, чуть не спятив от боли, схватился за него руками.

– Зорг! Я потерял зрение. Принимай командование!

– Спокойно... – К ним подошел Барила, которому не понравилась заминка. – Наверняка это перечный газ. Может, иприт? Не помню, какие именно боевые газы использовали в это время в виде аэрозолей.

Он помог майору подняться и, плеснув ему на лицо воды из фляжки, пробормотал:

– Идиотка!

– Ну что, съели? – Девушка вынырнула из-за прилавка с маленьким баллончиком в руке. – Он мне стекло разбил. Полиция!

Барила кинул ей золотой слиток.

– Полиция... полиция... – передразнил он испуганную девушку. – А может, сразу вызвать на помощь весь Варшавский договор?

– Его уже нет. – Девушка взглянула на слиток. – Но вообще-то... – Она провела по нему ногтем. – В НАТО я обращаться не буду.

На ходу разворачивая добытую с таким трудом карту города, Барила потащил майора в сторону транспортеров.

– Прекрасно... – заглянув в карту, заявил он. – Рассредоточиться, согласно приказу... Вагнер! Зрение вернулось?

– Нет. – У майора по пылающим щекам бежали теплые слезы. – Эта шлюха меня прикончила.

– Прекрати истерику. – Генерал освещал карту гильзой с химическим светом.

Потом он вернулся к киоску и еще за один слиток купил электрический фонарик. Вошедшая во вкус девушка даже приложила к нему две новые батарейки и показала, как им пользоваться. Впрочем, лицо ее все еще выражало крайнюю степень удивления.

– Хорошо. – Барила, похоже, нашел на карте необходимое. – Теперь хватай своих людей и выполняй приказ.

– Зорг! – Глаза у Вагнера все еще слезились, их жгло огнем. – Рассыпаться! Быстрее! Если кто-то замешкается, есть приказ расстреливать на месте.

Группа мгновенно разделилась на четыре взвода, и каждый бросился в свою сторону. Вагнер, почти теряя сознание, на бронетранспортере с женой, ребенком и служанкой, с семьей Барилы и парадными «штурмовиками», протирает слезящиеся глаза.

Боже, как вокруг было пусто.

– Поехали!

Водитель, ослепленный фарами едущих навстречу машин, запаниковал и тотчас получил удар в бок. Чудовищный звук сминаемого металла... Кто-то закричал. Еще две полицейские машины и одна скорая помощь... Марта стреляла из импульсной пушки, спрятавшись за броневыми плитами на крыше транспортера. Вот только противники, что удивительно, огнем не отвечали. Их бронетранспортер фар зажечь не мог, поскольку ими не обладал, и, конечно, вскоре они еще раз столкнулись с какой-то машиной. Визг гусениц, скользящих по булыжной мостовой, крики водителей, звонок чего-то совершенно неправдоподобного, ехавшего по рельсам в центре города...

Колея? Освещенный электрическим светом трамвай? Что это было? Что это было? О мамочка!..

Вагнер пересчитал машины своей группы. Двадцать бронетранспортеров и пятнадцать грузовых машин окончательно перемешались. Ни о каком порядке не могло быть и речи. Никто не учил их ездить ночью. Один из паровых грузовиков даже снес фонарный столб. Прохожие звонили в городские службы, сообщая о безумцах в странных машинах, резвящихся в самом центре города.

– Господин генерал! – Вагнер спрыгнул из люка внутрь кабины. – Не отобьемся!

– Не паникуй!

– Мы попали во время, когда уже существует электроника. Нам следует сдать. Это наш единственный шанс. Будем торговать знаниями и химией, о которых они не имеют понятия.

– Анджей, не трус!

– Они сейчас пришлют вертолеты. Маленькие, бензиновые танки с огромными пушками! Они могут бросить нам на голову атомную бомбу!

Барила слегка ухмыльнулся.

– Исполни приказы, Анджей! Иди наверх!

Вагнер взобрался по лесенке и снова высунул голову из люка. Он посмотрел на чешку-сигнальщицу в чужой куртке, однако та ничего ему сообщить не могла. Использовать ночью семафор не имело смысла, и девушка, высунув от усердия кончик языка, изучала инструкцию своей новой, американской радиостанции. Как связаться с остальными группами, она пока еще не разобралась. Передвигала переключатели наугад, но, кроме посторонних шумов из динамика, пока ничего не слышалось. Особый план «Б»...

Они выехали на Грюнвальдский мост. Господи, как вокруг было пусто! Пусто и одновременно тесно. Меньше домов, однако больше машин. На этом мосту не нашлось бы места для ресторанов. Теперь он, похоже, был даже слишком узким. Колонны слепящих фарами автомобилей занимали все полосы. Прохожие на тротуарах показывали на их машины пальцами. Опять многие из них куда-то звонили. Похоже, никто из жителей никогда не видел парового локомотива на гусеницах, вооруженного пушкой и парой пулеметов. Никто из них не видел в ноябре полуголых людей. Никто не видел гепардов, тигров и котов, высывающих головы из люков и шурящих глаза от снега.

Вагнер не имел понятия, на что рассчитывает Барила. Когда они съезжали с моста, Марте пришлось остановить еще четыре полицейские машины. Когда же у них лопнет терпение? Когда вместо полиции появятся вертолеты и те маленькие убийцы, бензиновые танки, доказывающие своим существованием, что бронированная смерть может быть в двадцать

раз меньше огромных, монстрообразных бронетранспортеров? Когда они пришлют самолеты, вооруженные бомбами с лазерным наведением? Через час? Два? У них есть электричество, проклятые компьютеры, великолепно отработанная система оповещения. И ченов еще нет. Боже... На что рассчитывает Барила?

Сью Кристи-Андерсон, облаченная в ночную рубашку, мундир, противохимический комбинезон и одеяло с дыркой для головы, высунулась из люка.

– Там! – показала она рукой.

Они свернули к Министерству контрабанды. О дьявол! Конечно, это была Управа Воеводства, и как ни смешно это выглядело, но существовало даже само воеводство. Никаких конюшен возле него не наблюдалось. Зато имелся огромный, в данный момент пустой паркинг, позволивший им сделать поворот вправо даже с некоторым шиком. Вот смешно: Барилу, который здесь работал, сейчас наверняка не пустили бы в свой кабинет.

Вагнер не обратил внимания на красный свет в каком-то чудном столбе сбоку дороги, поскольку не представлял, что он может означать, а в результате они раздавили маленький «фиат». Проехали по нему, слыша удары других машин о бронированный борт. Боже, настоящая мясная лавка! Гусеницы давили покрытую лаком жесь. И эти проклятые клаксоны! Очередные полицейские машины! Марта показывала чудеса владения импульсной пушкой. А потом вышла из себя настолько, что всадила себе в голое бедро дозу. Через некоторое время крыша у нее поехала, и девушка стала стрелять по всему, что попадало в поле ее зрения.

Боже! Боже! Боже! У них нет никаких шансов, а Барила идиот!

Они проехали народный музей. Миновали Воеводскую горку, и конечно, на ней еще не было никаких лифтов под землю – кто-то ее попросту раскопал, огородил забором, да так и оставил... Потом Вагнер приказал свернуть влево. Остановились они на пустом паркинге, рядом с каким-то странным строением, похожим на стог с отрезанной верхушкой, перевернутый вверх ногами и воткнутый в землю.

– Куда вы лезете со своими громадинами? – драл горло работник «Панорамы Вроцлава», как сообщал плакатик на его куртке. – Здесь нельзя ставить тяжелые машины!

Марта, находившаяся все еще под воздействием амфетаминов, выстрелила в него из своей пушки. Сам электрический шок ничем плохим закончиться не мог, однако от выстрела рабочий пролетел несколько метров и смачно ударился спиной о бетонную стену. Вагнер спустился по лестнице в кабину, однако Барилы там уже не было. Тогда майор выскочил через эвакуационный люк, свистнул двум тиграм из взвода умиротворения, чтобы они сопровождали его, и отправился искать генерала. За ним бежала чешка-сигнальщица, шлепая по мокрой мостовой босыми ногами и докладывая, что связалась с Хейни на Полянке и Долгоруковым на Бискупине. Только исчезла куда-то рота почетного караула, однако их машины, похоже, стоят на Поморском мосту. Она слышала, как полицейские сообщили по радио о стоявших там пятнадцать огромных «неосвященных тирах»...

Что за «тиры»? Вагнер на бегу развернул одну из добытых с таким трудом карт и сквозь слезы, которые все еще бежали из глаз, попытался сориентироваться в ситуации. Бесплезно. Надписи на карте были сделаны на каком-то странном польском языке. Вот что такое «Партизанская гора»? Как могли партизаны захватить в городе гору? И до сих пор там держатся? Почему местные не послали к ней свои танки и артиллерию? Надо было не давать этой горе такое название, а сровнять ее с землей. Не мог он этого понять. А может, местные какие-нибудь пацифисты?

К счастью, Барила сидел на своем раскладном деревянно-матерчатом стуле рядом с одной из больших грузовых машин. Его голые волосатые ноги слегка дрожали (тропический мундир, образца № 31 предусматривал только шорты, а холодно было – страсть), однако на генерале кроме шортов было еще одеяло, переделанное в пончо, и удивительная желтая пуховая куртка, наверняка с какого-нибудь прохожего.

– Ну что, Анджей, – предложил несокрушимый командир. – Прикончим? – Он указал на бутылку, стоявшую на серебряном подносе в руках у адъютанта.

– Мы должны сдаться, господин генерал, – сказал Вагнер. – И выторговать как можно больше за свои знания.

– Не паникуй, Анджей.

– Господин генерал... наших окружили на Поморском мосту. Хейни и Иван как-то умудрились замаскироваться, однако эта их полиция найдет наши машины в четверть часа.

Барила подставил лицо под падающие с неба мокрые снежинки.

– Знаешь, они считают, будто это улучшает кожу.

– Снег? А если на кожу попадут радиоактивные отходы?

– Их тут еще нет.

– Господин генерал, вы должны осознать, в каком мы оказались положении.

Барила слегка улыбнулся.

– Я все уже понял, Анджей. Прежде чем отправился в путешествие во времени... Речь Посполита юбер аллес⁵⁴. От моря до моря, как завещали наши предки.

– Генерал, что вы собираетесь сделать?

– Не мели языком, Анджей. – Барила кивнул адъютанту. – Ты уже знаешь, что я хочу сделать.

Вагнер неожиданно окаменел. Знал. Действительно знал. Где-то рядом с ним разыгрывались какие-то события. Барила приказал дать американке медицинский компьютер. Она должна была его использовать в течение пяти минут, поскольку позднее... Барила всегда держал слово, если ему это ничего не стоило. Ему нравилось делать добро своим людям. Поскольку от этого повышалась мораль. А потом... после того, как прошло пять минут, польский генерал Рафал Барила приказал своему адъютанту открыть запоры огромного контейнера, стоявшего на ближайшем грузовике.

– Давай!

Адъютант выполнил приказ.

– Выпускай.

Два пальца нажали надлежащие кнопки. Раздался громкий хлопок. Адъютант закашлялся, поскольку несколько частичек попало ему в нос.

– Господи! Боже!.. Боже! – крикнул Вагнер. – Господин генерал, вы выпустили чены.

– Именно так.

– Генерал, вы убили пару миллиардов людей!

– Несомненно.

– Иисус!.. Они даже не были к этому готовы.

– А мы были к этому готовы?

– Вы убили электричество. А без него, при трехпольной системе обработки земли, два миллиарда людей не выживет. Это массовое убийство...

– Да, так и будет... но не в Польше. У меня в этих грузовиках новая химия и новые растения. Я наверняка помогу выжить пятидесяти процентам поляков. У нас неплохой климат, есть натуральная растительность. О чем ты думаешь, Анджей? Разве я сосунок, несмышлениш? Мы отправились в век электроники. И что? Нас тут же вычислили и усмирили? Нет, я выпустил чены. У меня не было китайской бомбы, но зато три года специальный паровой компрессор собирал их в этот контейнер из воздуха. Какая разница как... Они рассеются по всей атмосфере – и конец электричеству, конец их радиостанциям, радарам, самолетам, телефонам, танкам на бензине. Конец! Теперь мы рулес, Анджей!

⁵⁴ Польша превыше всего.

Барила вскочил с полотняного стульчика и сделал пару шагов на своих коротких кривых ножках. В мундире, одеяле и желтой пуховой куртке он выглядел на редкость комично.

– Боже мой... для чего вы это сделали? Вы убили два миллиарда людей, всего лишь нажав на запоры этого контейнера. Они не спасутся без искусственных удобрений.

– Безусловно. Убил. – Барила добродушно улыбнулся. – Польша юбер аллес. Речь Посполита рулес. От моря до моря, мать ее! Это не удалось сделать пану Яну, у него не хватило снаряжения, зато получилось у меня!!!

– А американцы?

– Не глупи. Я выпустил чены по двум причинам. Прежде всего потому, что меня тут, в этом дурацком времени, все равно вычислили бы и умиrotворили. А теперь у них масса других проблем. Им не до меня. А вторая причина... Вторая и наиважнейшая... – Барила нацелил на Вагнера свой толстый, поросший редким волосом палец. – Американцы тоже прыгнули во времени. У них тысячи контейнеров в Чайна Маунти, а у меня только один. У них очень хорошо организованное государство, с огромным потенциалом выпуска продукции. Я же имею маленькое европейское государство. Однако какая им сейчас польза от этих тысячи контейнеров, если привезены чены? У меня же есть знания, великолепные паровые машины, экстра-химия, суперлекарства и семена, какие им и не снились. Посмотрим, кто возьмет верх. К тому времени, когда американцы сумеют построить тысячи пароходов, чтобы перевезти войско через океан, Польша будет занимать пространство от Атлантики до Тихого океана. От полярного круга до Средиземного моря! Посмотрим...

– Господин... – Наконец-то Вагнер проглотил застрявший в горле комок. – Пан генерал, вы сошли с ума. Вы убили два миллиарда людей...

– Вагнер! Знаешь, почему я выбрал для этой миссии тебя? – Барила одернул полы чужой желтой куртки. – Знаешь? Нет? Потому что ты самый добросовестный офицер твердыни Броцлав. Если бы не я, тебя бы уже не было. И я знаю, что ты выполнишь каждый мой приказ, хотя за спиной и называешь меня толстым боровом.

– Господин генерал... я...

– Ты сейчас возьмешь своих людей и поведешь их в Требницу, в пункт сбора, обозначенный в плане «Б». Исполнять!

Вагнер резко отдал честь. Ему было холодно, а глаза все еще слезились от того проклятого газа, и чувствовал он себя ужасно. Однако Барила был прав. Приказ он выполнит. Он знал, где находится Требница, хотя в его время этого города уже не существовало. Был проклятый автобан нах Познань.

Вагнер подошел к какому-то прохожему, который остановился, увидев на паркинге возле «Панорамы» странные машины.

– Извините, – еще раз протирая глаза носовым платком, спросил майор. – Где здесь автобан нах Познань?

– Какой, к дьяволу, автобан?

– Ну... автобан... Автострада... хайвей... Значит, автострада на Познань.

– Какая автострада? – Мужчина в теплом плаще вытаращил глаза. – А вот дорога на Познань находится там. – Он показал рукой направление.

Времени на разговоры с этим чудаком не было, поскольку находящиеся поблизости уличные фонари начинали гаснуть. Он не знал, что они никогда уже не загорятся. Гасли фонари, замолкали телефоны, останавливались машины.

И ничто не могло остановить паровой конвой Вагнера.

Перевел Леонид Кудрявцев, 2019 г.

Обратить Авалон Мацей Жердиньски

1

Тонкие струйки воды пронизывали воздух и, падая на землю с тихим плеском, образовывали лужи, в которых мутно отражалось просвечивающее через пелену солнце.

Порыв горячего ветра с запада искажил стену дождя так, что струи теперь били прямо в лицо работающего человека. Черти бы его взяли... Может, все-таки закончится?..

Прикрыв глаза ладонью, человек посмотрел вверх. Большие черные птицы описывали над равниной неровные круги, спотыкаясь в хаотичных воздушных потоках.

Их вид заставил человека вздрогнуть. Они... Дождевые стервятники.

Их появление безошибочно указывало на приход скверных дней – сильный ветер и затяжные дожди.

Болдуин Кёртис осознал, что на улучшение погоды надеяться не приходится.

– Проклятье! Похоже, надолго зарядило.

После минутного колебания он сильнее стиснул черенок лопаты и принялся копать с удвоенной энергией. Неожиданная смена погоды означала, что работать придется дольше. Да и Шарка нужно отослать.

– Шарк! Давай сюда!

Через пару минут из туманной мглы выдвинулся помощник. Он тяжело и неловко ступал по раскисшему грунту кривыми ногами. Но все же брел вперед, то покачиваясь, то спотыкаясь, пока, наконец, не добрался до места работы и не замер на краю ямы, которую копал Болдуин.

– Жду приказаний, господин Кёртис.

– Ну что – уже промок, бедолага?

– Еще нет, сударь. Но стал хуже видеть. Какие-то проблемы с периферийным зрением и замедленная аккомодация.

– Скрипишь?

– Никак нет, сударь. Суставы функционируют надлежащим образом. Их эффективность вполне удовлетворительна и соответствует всем требованиям.

– Ну да, конечно... – вздохнул Кёртис. – А то я не видел, как ты охренительно ковыляешь, Шарки. Ладно. Уноси отсюда свою задницу, пока не поздно.

– Как я должен понимать слова господина?

Кёртис пожал плечами.

– А как, дрядь, хочешь. По мне, так тебе надо валить домой, поскольку брешьешь как пёс. Ну ведь на самом деле боишься, что вода тебе повредит. Так что канай отсюда. Подтверди, правильно ли понял приказание.

– Так точно, сударь. Я должен вернуться домой. Возвращаюсь домой. Домой.

– Ну так давай топай.

Болдуин Кёртис какое-то время глядел из неглубокой ямы на покачивающуюся, медленно исчезающую в тумане фигуру старого андроида, потом издал горький смешок.

– А ввали, что водостойкий. Сейчас, сейчас, как там было написано... а-а: «Водонепроницаемый Шарк» – красивый такой рекламный буклетик – «быстрый, проворный, ловкий и неутомимый. Более человечный, чем даже сам человек, но гораздо менее аварийный». Да уж...

Какое-то время он бездумно орудовал лопатой, после чего, недовольно качая головой, принялся усиливать внутренний крепеж.

– Ну, кажись, готово. Только бы сегодня другой работы не подкинули.

Закрепил последние пруты арматуры и вылез из ямы.

– А, в общем, чего я к нему прицепился?.. – засопел он. – Пятнадцать лет все ж таки прошло. Долгий срок. Ему давно уже пора ржаветь на свалке.

Дождь размывал выброшенный из ямы грунт. Болдуин быстрыми движениями лопаты сформировал из него аккуратный холмик.

– Сам ведь уже точно такой же, как и он. Когда-то тоже был проворным и ловким, а сейчас могу посостязаться с ним разве что в водостойкости. Ну ладно, хватит.

Могила была готова.

Яма глубиной в три, шириной в два метра с укрепленными сеткой-арматурой стенками ожидала предназначенного ей содержимого.

– Еще одна, – вздохнул Болдуин.

Кладбище медленно затягивалось туманом. Это шел пар от разогретых камней в старой его части, где находились погребения чуждых людям существ.

Дождевые птицы издавали хриплые звуки, все так же описывая круги без малейшего движения крыльев, хотя ветер стих так же внезапно, как и появился.

Болдуин прошел к могиле, которую начал копать Шарк.

– Ишь ты! А эта чертова жестянка неплохо управилась. Совсем немного осталось доделать.

Через минуту он был уже в яме, и вскоре к однообразному шелесту дождя добавились мягкие шлепки выбрасываемой лопатой земли.

2

– Ладно, Шарк, с этим разделались. Кристаллы привезли?

– Н-н-нет.

– Чего заикаешься?

– Из-за сырости. Есть проблема с буквой «эн-н-н»...

– Ладно. А как зрение? Ну-ка, глянь на меня.

Шарк повернул к нему грубовато сработанную голову. Бледно-голубые глазки были затянуты дымкой.

– Ну, не так все плохо, постепенно оттаешь, сынок. Подай полотенце.

– Вот. Я боюсь, как бы не ослепнуть. Как вы думаете – могу я ослепнуть?

– Все будет хорошо... Ужин готов?

Шарк горестно заскрипел:

– Я старался, н-н-но что-то со мн-н-ной н-н-не так. Все из рук валится. Вам бы н-н-надо мен-н-ня продать. Я уже не отвечаю требован-н-ниям своего господин-н-на.

Болдуин невесело рассмеялся.

– Да кто ж тебя купит? К тому же мы, брат, старые приятели. А приятелей не продают. По крайней мере, мне так кажется...

Мысленно проклиная всё и вся, Болдуин быстро съел кашеобразную бурду, приготовленную Шарком.

– Вот же гадость... А ведь я тебе говорил, что соль и сахар – это совсем разные субстанции. Единственное, что их объединяет, это искусственная кристаллизация.

– Прошу прощения, но у меня глаза запотели от сырости, – оправдывался Шарк. – Плохо вижу. И там кристаллы, и там кристаллы, а производитель не снабдил меня органом человеческого вкуса. Это не моя вина.

– Ну, по крайней мере, заикаться перестал. Ладно, проваливай, а то передумаю и выставлю тебя на торги.

Андроид поспешно вышел из кухни. Похоже, производитель все же снабдил его чувством страха перед аукционами.

Болдуин умылся и переоделся в сухое. Не спеша подошел к окну.

Сумерки сгущались, и блестящие струи дождя теперь светились фиолетовым цветом. Этот эффект вызывали микроскопические грибные споры, расплывшиеся в воздухе. Они активировались под воздействием воды и подсвечивали дождь, так что он полыхал на все небо, как гигантский неоновый светильник. Свет спор притягивал ночных бабочек, которые пожирали их в безумной вакханалии скорой смерти. Крылышки бабочек взрывались изумрудным пламенем аннигиляции – в одном-единственном миге окончательного экстаза. И бабочки падали в струях неоновой дождя, чтобы украсить ночь и отдать свои жизни черной земле.

Подобное зрелище восхитило Болдуина двадцать лет тому назад, когда он прибыл на эту планету. У него в голове навеки запечатлелась картинка: вот стоит высоченный транспортный корабль колонистов, по корпусу которого стекают светящиеся струи грибов, а из открытых люков выходят длинные вереницы поселенцев, и дыхание каждого создает облачко пара над головой.

Сто тысяч колонистов, сто тысяч человек, желающих начать жизнь заново, с чистого листа.

Только у него, Болдуина Кёртиса, не было никаких особых иллюзий. Он прилетел сюда в качестве могильщика, и именно могильщиком и должен был провести здесь всю свою жизнь. А какая еще жизнь должна быть у такого, как он? Конечно, такая же, как и у его старика...

Да, он хорошо помнил слова своего отца, пропитанного дармовым спиртным от похоронной корпорации, вечно что-то бурчащего, смертельно уставшего от повседневной кладбищенской рутины и измученного копанием кладбищенской глины. Отец в глубине души сам был подобен этому кладбищу. И он не представлял себе какой-нибудь лучшей жизни для своего робкого сынишки:

– Будешь могильщиком, Болд.

– Могильщиком, папа?

– Говорю тебе, сынок. Будешь могильщиком, таким, как я. А чем еще сможешь заняться? Школы не закончил, красавцем тебя никак не назовешь, денег у тебя нет, как и таланта их зарабатывать. Не питай иллюзий парень. И в башке твоей грёбаной ветер гуляет. А потому, сынок, хорошей бабы ты себе не найдешь. И с посредственными будет тебе трудно. Ну, скверных, может, и поимеешь, да что тебе с них? И запомни хорошенько – даже и не пытайся заигрывать с такими шлюхами, как твоя мамаша. Понимаешь, сынок?

– Да, папа.

– Посмотри на меня, парень... Хорошенько посмотри на своего старика. – Отец наклонился к нему, обдав перегаром кладбищенской водки. – Видишь меня? Внимательно смотришь?

– Да, пап. Я хорошо тебя вижу.

– Отлично, поскольку именно так ты сам будешь выглядеть через двадцать грёбанных лет.

И хотя слова эти были произнесены в далеком прошлом на другой планете, называемой Матерью-Землей, они продолжали нести в себе какую-то страшную силу. Убедительную и почти пророческую.

Болдуин поглядел в зеркало.

В нем отражался человек лет сорока, с низким покатым лбом, с коротко стриженными, жесткими, как проволока, волосами и со свисающими чуть ли не до колен ручищами. Вздёрнутые плечи, достающие почти до ушей, сутулая, как у черепахи, спина. Большие черные глаза, впалые бледные щеки и скошенная челюсть. Красными, покрытыми мозолями ладонями он помассировал крепкую шею. Вообще-то Болдуин походил на небольшую акулу – не хватало только плавников на спине да острых зубов.

В общем, весь в отца. А матери своей он никогда не видел.

Но в одном отец на его счет все же ошибся. Не разглядел потенциальный горизонт планирования своего отпрыска.

В день смерти отца Болд поплевал на ладони, выкопал свою первую, полностью самостоятельную могилу, получил вознаграждение и тотчас же направился в бюро News of the Worlds, чтобы оформить все необходимые документы колониста.

– Гм-м-м. И кем вы себя видите в новом мире, господин Кёртис? Какие у вас предпочтения? – Чиновник глядел на него оценивающе, с трудом скрывая нотки издёвки в голосе. – Видите ли, господин Кёртис, состав колонистов уже полностью укомплектован.

– Верю, – охотно согласился Болдуин. – Но могильщика среди них наверняка нет.

– Вы сказали – могильщика?..

– Именно. А он вам в любом случае понадобится, поскольку и в новом мире люди будут умирать. Миры – мирами, а трупы – трупами. Видите ли, люди не любят, когда мертвых хоронят андрюиды. Религия запрещает. А я, прошу прощения, именно что могильщик. Знаю все о похоронах, ну и всякие там обряды и ритуалы – тоже назубок. К тому же у меня очень скромные требования. Что мне нужно? Какая-нибудь крыша над головой, лопата да помощник для копания.

Чиновник отошел от первого шока и пробормотал:

– Ну да... Признаюсь, вы меня малость ошеломили... Ха-ха... Да... Секундочку, господин Кёртис. – Чиновник стал быстро тыкать пальцем в экран френдо, нахмурился и удивленно причмокнул пухлыми губами. – Верно! Это грустно, но мы каким-то образом упустили необходимость вашей профессии... Ну хорошо, я вношу вас в список. Болдуин Кёртис, номер сто тысяча первый. Профессия: могильщик.

Сверкнула профессиональная улыбка.

– Пожалуйста, передайте мне ваши документы.

Город на планете был выстроен задолго до прилета людей автоматами, исследующими глубокий космос. Колонисты его только заселили. Были подобны муравьям, которых перенесли в новый, уже готовый муравейник. Они заполнили структуру, вписались в схему, добавив лишь незначительные детали – краски, мелкие переустройства...

Город назывался Авалон, и Болдуин поселился на его окраине, среди обширных болотистых пустошей, испещренных руинами предшествующей цивилизации. Новое кладбище естественным образом оказалось на остатках старого.

Планета приняла людей вполне терпимо. Они быстро и без больших потерь адаптировались к местным условиям. Двое умерли в результате непереносимости прививок, один покончил с собой. Именно они и стали первыми «клиентами» кладбища. А лет через десять ситуация стабилизировалась. Болдуин ежедневно хоронил от двух до четырех покойников, а в городе рождалось столько же новых жителей.

Город хорошо заботился о ста тысячах своих подопечных, обеспечивая их всем, что только могло им понадобиться. Основным занятием колонистов была добыча и переработка болотного торфа – он обладал какими-то сильными противораковыми свойствами. Болдуина все это не интересовало. Он редко посещал Авалон, ощущая свою инаковость и слегка стыдясь своего низкого занятия. А со временем превратился в отшельника. От отца его отличала болезненная ненависть к алкоголю. Весь свой двухнедельный паек он ритуально выливал в сток для нечистот. Избавлялся таким образом от родимых пятен отцовского наследия. И приговаривал при этом:

– Должен же я чем-то отличаться от своего старика...

Из воспоминаний его вырвал громкий свист.

На площадку перед домом в фиолетовом закатном свете садился хOVERкрафт на воздушной подушке. Весь из себя черный, а на бортах таинственные готические письмена. Его вид

всегда приводил Болдуина в почтительный трепет, который тут же исчез, когда на борту включился прожектор и обвел ярким световым лучом окна барака. Болдуин не жаловал водителей катафалка. Как и они его.

В помещение вошел пилот.

– Три штуки, могильщик. Ставь подпись.

Пилот вручил Болдуину пластину формуляра, сплюнул и небрежно почесал гладко выбритую щеку. Болд знал, что в глазах пилота он выглядит как осклизлый василиск. Водитель катафалка никогда не глядел ему в глаза, как будто боялся, что могильщик плюнет в него ядом.

– И вам добрый день, – ответил Кёртис и не спеша оставил отпечаток пальца в трех белых инфоокошках. – Завтра тоже вы прилетите?

На лице пилота возникла гримаса облегчения.

– Нет, – прошипел он. – Мой андроид.

– Не желаете ли слегка передохнуть, я охотно заварю вам чая? – продолжал дразнить водителя Болдуин.

– В другой раз, могильщик.

– У меня есть светящаяся выпечка из спор грибницы.

– Нет-нет!..

– А может, вы согласитесь на пару со мной выкопать новую могилу, дружище? Тоже нет?

Пилот не смог даже удивиться. Попросту убежал, бормоча под нос проклятья.

Вошел Шарк.

Они молча глядели, как черный катафалк поднимается в воздух и исчезает в стене фиолетового дождя.

– Он обозвал меня «жестяным недоумком» и пнул, – наябедничал андроид. – Я подам на него жалобу в свой профсоюз. А вы его хорошо уели, господин Кёртис.

– Все люди одинаковы, и этот – не худший из них. Просто город сошел с ума, Шарки.

И бросив еще один взгляд в зеркало, добавил:

– Ну что – идем к ним.

3

Они стояли рядом – двое мужчин и одна женщина.

Все нагие. Глядя на их спокойные лица, трудно было поверить, что они мертвы. Идеально спроектированные черты лица подчеркивали красоту женщины. На вид ей было не больше сорока. По крайней мере, если судить по коже.

– Это все пластика... Знаешь ли ты, Шарки, что в Авалоне уже нет некрасивых людей? Каждый выглядит так, как пожелает. Посмотри на них – почти боги!

Каждый из трех был залит прозрачной массой, сформированной в виде многогранного кристалла. Отполированные поверхности отбрасывали множество световых бликов. Покойники казались бабочками, плененными в янтаре.

– Но все же они умерли. А стало быть, не были богами, – тяжело вздохнул Болдуин. – Хотя наверняка сами про себя что-то такое думали.

Завтра он опустит кристаллы в выкопанные могилы и насыпет три небольших холмика. И согласно Новому Обычаю, никаких надгробий с именами. Могилы будут безымянными, потому что никто давным-давно уже не посещает кладбищ. Колонисты не любили напоминаний о том, что когда-то их самих засыпят землей. Они не желали ничего знать о смерти, не хотели признавать ее прав, не способны были даже презирать ее.

– Я помню старые гробы, они были деревянные, – пояснил Кёртис Шарку. – А теперь смотри, как ловко придумали. Берешь подготовленного покойника, щелк, и он уже в кристалле. Не гниет, не разлагается, не воняет, братишка. Все чистенько, аккуратненько. Если смерть

покойника изуродовала, то заливают кристалл темной эмалью так, чтобы ничего не было видно. Ловко, ловко все придумали. Боги, мать их...

Болдуин внезапно ощутил себя старым и усталым. Посмотрел на свои большие ладони, на потрескавшуюся кожу пальцев, на желтые мозоли. Ткнул пальцем в ближайший кристалл.

– Смотаюсь-ка я в Авалон. Давно там не был.

– Прошу прощения – прямо сейчас? Мне кажется, это не самая лучшая мысль. Приближается ночь, а погода...

Болдуин похлопал Шарка по плечу.

– Не волнуйся, парень. Я водостойкий – не растворюсь.

– А можно узнать, зачем вы туда идете? – упорствовал андроид. Программа опеки работала на полную катушку.

– Ну, всегда хожу за одним и тем же.

– Что – опять?

– Именно так, Шарки. Иду искать жену. Вдруг что-нибудь попадется. Она должна быть красива и душой и телом.

4

В воздухе висела сфера. Она разбрасывала элегантные струйки дымного света, неспешно скользящие по столешницам низких столов и в конечном счете падающие под их ножки, где мягко отражались от паркета и тихо угасали. Большая часть бара тонула в полумраке. Сонную атмосферу подчеркивал тихий шелест дождя, что-то бормотавшего стеклам округлых окон.

– Еще раз то же самое. – Длинные, худые пальцы обхватили высокий бокал.

Тотчас рядом возник кельнер.

– К вашим услугам, сударыня.

– Только двойную дозу, малыш.

Андроид глянул на нее с профессиональным неодобрением, выполнил заказ и удалился.

– Вот же поганец! – рассмеялась Беверли. – Гребаный механол.

– По мне, так выглядит неплохо. – Дебора задумчиво играла бокалом.

Эстер ни на что не реагировала. Нынешняя порция эйсид-виски отправила ее в другой мир.

– Завидую ей, – проговорила Беверли. – По крайней мере, скукой не мается.

– Пропала девка. Пьет и блюет. Одно и то же. Подсела, сучка, на кислоту. Два дня назад бросила работу. А ее муж завтра с ней разводится. Пьет еще больше, чем она, но в другом кабаке.

– Наверно, это из-за того, что не сделала коррекции носа по проекту Ярдли Марк 34. Прекрасная модель. О... Вижу маленькие сексуальные носики, они танцуют на нашем столе. Это так забавно, Деб...

– Ты уже нажралась, дорогуша, – скривилась Дебора. – Пьяная в три задницы... Очередной долбаный вечер, – добавила она уже тише. – Очередная одинокая ночь в компании упившихся...

Она подхватила струйку света и обмотала ее вокруг изящной татуировки на запястье.

– Надерусь-ка и я. – Прохладный напиток приятно остужал горло. – Кой черт, в конце концов?

Световой браслет на руке медленно таял.

Внезапно зашевелилась Эстер. Коснулась иконки на экране своего френдо, и вокруг ее ушей затанцевали маленькие репродукторы.

– Теперь хорошо... – промурлыкала она, и ее прекрасное личико (проект Босс Марк 22) разъяснилось. Она продолжала спать.

Мимо них в полутени прошел высокий андроид. Беверли встала, качнулась и двинулась за ним, сильно покачивая прекрасной формы бедрами от Фендера.

– Подожди, красавчик.

Андроид послушно остановился.

Беверли настигла его у следующего столика, а секундой позже их окружили световые ленты, притянутые движением ее вялого тела.

– Я хочу в туалет, проводи меня.

– Разумеется, госпожа.

Тут же свет стал угасать.

Контуры предметов темнели и постепенно растворялись во мраке. Как будто кто-то уменьшил разрешающую способность реальности.

Дебора хихикнула. О! Начинает действовать.

– Здоровье молодых! – Уровень жидкости в ее бокале уменьшался в опасном темпе. Отпила очередной глоток. – Совет да любовь...

Внезапно прямо перед ней возник мужчина. Точнее, его размытый силуэт.

– Скажите, это заведение называется Acid Rest Is The Best?

– Да-а.

Мужчина протер покрасневшие глаза и с облегчением улыбнулся.

– Я разыскиваю свою девушку. Понимаешь, вышла куда-то из дома вчера и не вернулась на ночь... Я волнуюсь. Живем неподалеку, а она любит кислоту, ну так я и решил, что...

– Как зовут твою даму?

– Ф'Кокотер.

Дебора тряхнула волосами и покачала головой.

– Увы, ничего о такой не слышала, – пробормотала она сонно. – Но имя красивое.

Незнакомец выглядел обескураженно. Однако настаивал:

– Ну, она может назваться и другим именем. Это невысокая, хорошо сложенная брюнетка. Часто бывает небритой. Ну, знаете – такая трехдневная щетина, более густая на усах, более редкая на подбородке.

Дебора пожала плечами.

– Ага. Кажется, уже врубаюсь. Небритая, ты так сказал?

– Ты ее видела? – Слезающиеся глаза блеснули надеждой. Похоже, он неверно понял ее вопрос. – Она была тут с вами?

– Мускулистая, небритая брюнетка... Боюсь, не знаю твоей дамы. Похоже, это не тот кабак, приятель.

Мужчина еще раз потер налитые кровью глаза, прошептал что-то беспомощное и ушел, не сказав ни слова на прощанье. очередной закинувшийся фрик. очередная ошибка города Авалона.

– Вечер становится милым... – Дебора пихнула подругу локтем. – Правда, Эстер?

Эстер что-то неразборчиво пробормотала, после чего еще уютней свернулась в громадном кресле.

Беверли все не возвращалась.

5

Тротуар напоминал щупальце какого-то непонятого существа, изучающего чужую, промокшую почву. Он начинался неожиданно посреди топей и вел к отдаленному свету.

Светом был Авалон, и это он выпустил щупальце тротуара.

Болдуин осторожно ступил на искусственную поверхность. Странно, но здесь он ощущал себя гораздо более неуверенно, нежели на вечно хлюпающем кладбищенском грунте.

- Приветствуем вас в городе. – Невидимый стражник, как всегда, был бдителен.
- Да-а. Давно я тут не был. Двигай к центру.
- Разумеется, господин Кёртис.

Тротуар дрогнул и начал двигаться, и в этот миг сверкнула вспышка маленького взрыва на отвороте куртки Болдуина.

– Что это, на хрен, было? – удивился могильщик.

– Прошу прощения, но на вашу куртку сел местный паразит – кровососущее насекомое. Мы не пропускаем на территорию Авалона вредные объекты. Таковы правила безопасности.

– Ладно, ладно. Я просто запомнил. Эта тварь ведь могла всех вас поубивать... Дерьмо стерильное.

Последнюю его фразу компьютер проигнорировал. Тротуар продолжал беззвучно двигаться.

Болдуин глядел на приближающиеся строения. В центре города высились мощные офисные здания, они были едва освещены и подавляли своим мрачным величием. Зато спальные районы сверкали тысячами огней.

Сидят в домах. Всегда так было: работа – и домой, а из дома – на работу, а по выходным – в кабак... Как заводные машинки... Болдуин неодобрительно покачал головой. Логинятся в этих своих френдо, накачиваются наркотой и видят сны черт знает о чем.

Тротуар нес его через район развлекательных заведений, такой же глухой и унылый, как пригороды Авалона.

– Остановись.

Стражник выполнил приказ.

– Дальше пойду пешком.

– Возможно, вам нужна какая-нибудь защита от дождя? В дождевой воде содержится много органических субстанций, а кроме того, споры грибов-паразитов, которые в период размножения могут быть...

– Нет, ничего не надо. Попросту остановись.

Грибницы, тоже мне. Он и так уже насквозь мокрый. Болдуин соскочил с ленты.

И замер.

Чуть ли не минуту ему казалось, что абрисы строений, на которые он смотрел, дрожат, тускнеют и расплываются. Колыхаются, исчезают. Потом все восстановилось. Болдуин вздрогнул и помассировал натруженную шею кулаком. Что это было?

Он стоял перед огромным, подавляющим зданием, выступающим из завесы дождя подобно фиолетовому демону. Задрал голову, хотя прекрасно знал, что увидит там, наверху.

– ...КОРПОРАЦИЯ WARS`N`GUNS... – прочел он красную, пульсирующую надпись. – ...ПРИГЛАШАЕМ К СОТРУДНИЧЕСТВУ...

Хозяева колонии Авалон.

Именно эта корпорация снабжала колонистов всем необходимым, разрабатывая безопасные способы «переездов» в глубокий космос. Некогда Болдуин, уставший от бесконечной череды нудных дней, от своей лопаты и кристаллов с покойниками, сам сюда заглянул. WARS`N`GUNS прельщала высокими заработками и жизнью, полной приключений. Но когда ему объяснили детали будущей работы, он отказался от этой идеи. Не желал быть их наемником. Они были еще хуже дебилов, подсевших на свои френдо. Поговаривали, что корпорация специально организует все эти колонии в глубоком космосе, чтобы потом им легче было вербовать наемников. Скука повседневной рутины в колониях была им в этом союзником.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.